

Модест Колеров

БЕЗ СССР

«Ближнее зарубежье» новой России
и «задний двор» США

Статьи 1999–2008

МОСКВА

REGNUM

2008

УДК 327(470)

ББК 66.5(2 Рос)

К 60

К 60 Модест Колеров. Без СССР: «Ближнее зарубежье» новой России и «задний двор» США: Статьи 1999–2008. – М.: REGNUM, 2008. – 90 с.

ISBN 978-5-91150-027-6

УДК 327(470)

ББК 66.5(2 Рос)

ISBN 978-5-91150-027-6

© Модест Колеров, текст, 1999–2008

Содержание

Тотальное Просвещение для Косово и всех нас	5
«Вечный мир» и вечные угрозы ему	8
Фронт против России: санитарный кордон и внешнее управление	20
Непризнанные государства бывш. СССР в контексте Балкан и Черноморского региона	26
«Косовский прецедент»: создатели и плоды.....	32
«Ближнее зарубежье» новой России и «задний двор» США	55

Тотальное Просвещение для Косово и всех нас

Критичные, моралистичные, левые и гуманитарные, европейские интеллектуалы почти едины в поддержке тотальных бомбежек Югославии. Европа почти едина душой с США и, чем дальше, тем единой и единой. И, похоже, никто не удивлен такой западной соборностью, еще вчера тратившей немислимые мозговые усилия на обнаружение своих национальных особенностей, не стираемых никаким цельнобетонным Западом. Единого Запада, германофильско-славянофильской страшилки, никогда не было – но теперь он хочет стать таким. Пока основой западного единства служила абсолютная шкала Просвещения, легко было различать внутри него национальные стадии и нюансы. Но теперь, когда идеология «гуманитарной миссии» в Косово соединила Просвещение и реальность Запада как почти идентичность, нюансы и стадии стали несущественны. Существенней стал не просто внешнеполитический, но подчеркнута ценностный консенсус. Консенсус миротворчества, составленный из десятка консенсусов «борьбы за мир», равен желанию для себя, просвещенного, жизни и справедливости. И почти весь мир хочет войны и почти солидарен в ее оправдании, в желании для не-себя, непросвещенных, смерти и несправедливости.

Консенсус равных прав и суверенитета, **личная** ответственность и личная **свобода**, на которых выстроилось Просвещение, чтобы следом, над ним, строился свободный мир, – слива-

ются в хор, славящий **коллективную** ответственность и коллективную **несвободу** от уничтожения во имя ценностей, прав и суверенитета.

Консенсус свободы от общего мнения, власти и пропаганды, преобразился и ставит перед иными, другими, внешними «моралистический» выбор: смерть от тотальных бомбежек или полное подчинение ценностям, преподанным общим мнением, властью и пропагандой. Однако подчинение ценностям отнюдь не дает подчинившимся свободу, права и суверенитет, а отдает их во власть оккупантов, во власть их, оккупационных, свобод, прав и доктрины «ограниченного суверенитета».

Тотальная и вполне «гуманитарная», почти виртуальная, наименее связанная с человеческими жертвами для нападающих, война как никогда близка к полной победе. И в этом долгожданном для Запада триумфе празднуют абсолютную победу воспитанные Просвещением консенсусы мира, суверенитета и свободы. И из-под радостно поднимаемого их подола все откровенней и лапидарней обнажается подкладка: война, «ограниченный суверенитет» и несвобода.

Утвердив для себя, внутри себя, свои ценности, консенсуальный Запад сегодня побеждает некорректный, не включаемый в сферу консенсуса не-Запад и отныне волен экстерриториально нести ему не просто своё Просвещение, а себя как триумф Просвещения. Просвещения **для себя** и **просветительского расизма** для иных. Так немецкие пацифисты-карикатуристы изображают «неловкое» НАТО как воина, **слишком** сильно замахнувшегося дубиной на серба, готового отрезать голову косовской жертве, – замахнувшегося так сильно назад, за спину, что **невольно** поразил благословляющего его западного ангела мира. Не жертве сочувствует Просвещение, а себе и своему консенсусу, неловко задетому неловким «почти».

Полная победа Запада в Косово – это полная победа Просвещения-**для-Запада**, это полный конец его для всего остального

мира, обреченного выбирать между войной и безвольным подчинением ценностным ноу-хау (в компактной и легко транспортируемой упаковке, в комплекте с военным инженером, военным политиком и военным интеллектуалом).

Что там бормотал старый дурак просветитель Вольтер? Посмотрите на военных интеллектуалов, рулящих виртуальной войной: все на одно лицо социалиста и интеллектуала Муссолини. Они давно хотели бесплатной идеологии войны, давно нуждались в войне идей без потерь. Они давно мечтали о **войне ценностей** без войны трупов: теперь они могут успокоиться – рыцари ценностей потерь почти не несут, а все трупы – на той, неценностной стороне, для них почти и не трупы – «чужие издержки». Они могут успокоиться и достичь, наконец, внутри своих обществ, изнасилованных проблемами меньшинств, душевного мира: наконец, враг – есть, и враг этот вовне.

И в этом внешнем мире больше нет меньшинств, диктующих свои права, есть только тотальное Просвещение и подсудные ему отщепенцы.

Март 1999

«Вечный мир» и вечные угрозы ему

- Ты знаешь, кто такие «партизаны»?
- Да, это те, кто воевали против нас...

Мир в Европе любой ценой

Массовый пацифизм и неистовый поиск *компромисса* с теми, кто угрожает миру, – роскошь и болезнь исключительно послевоенного североамериканско-европейского мира, еще вчера стоявшего на грани вечности, за которой, казалось, бесконечное самосовершенствование либерализма и «конец истории». Миротлюбивая риторика здесь всегда больше зависела от массовой психологии, чем от любых деклараций и философских построений.

С конца 1940-х до начала 1990-х годов средний европейский обыватель видел военное насилие лишь *издалека*: во Вьетнаме, Алжире, Корее (исключениями были только не вполне масштабные с военной точки зрения акты подавления оппозиции в странах «народной демократии» в 1950–60-х годах). В позднеколониальном мире наилучшим способом излечения от проблем казалась деколонизация. Эвакуировавшись из Алжира, два миллиона алжирских французов сразу попали в разряд пораженных в культурных правах провинциалов. Убедив от вьет-

намских коммунистов, граждане «сайгоновского режима» населили изолированные кварталы на восточном побережье США, на периферии внимания. Даже американские ветераны, демобилизовавшись с вьетнамской войны, вынуждены были создать целую художественную традицию, чтобы рассказать массовому обывателю, что они есть, что их опыт переживания фронтового и партизанского насилия важен.

Миролюбивый обыватель и его политический класс воспитывались на риторике *невмешательства*, парадоксальным образом впитавшей в себя и консервативный самоизоляциизм, и левый интернационализм 1968 года. Обыватель не хотел видеть и не видел угроз, не сводимых к апокалиптическим сценариям «третьей мировой», столь же ужасным, сколь и далеким от ежедневного сознания. Никто не верил в реальность угроз *здесь и сейчас*, себе лично, своему дому, своим детям. Показанная в телевизионном онлайн-режиме, дистанционная, почти игровая Война в Заливе только укрепила массовое представление о том, что с угрозой можно разобраться издалека, ценой любого, «пропорционального» или «непропорционального» применения силы на чужой территории; любого сговора за столом переговоров, «пропорционального» или «непропорционального» влиянию противника. Грубая, террористическая, финансируемая мафиозным наркотрафиком, борьба косовских албанцев за отделение от Сербии–Югославии была признана Европой легитимной и хирургически навязана Сербии. Главное – чтобы тень угрозы, распространявшейся по Европе вместе с «беженцами», не нарушала «вечного мира». Косово добилось независимости. Этнические чистки против сербов близки к концу. Однако 35 тысяч албанских беженцев в Сербии и 130 тысяч в Германии возвращаться в Косово не хотят. «Вечный мир» терпеливо продолжает не видеть угрозы.

Даже совершенно незначительная, вялотекущая террористическая деятельность ольстерских, корсиканских или баскских сепаратистов, которую любой «старый режим» просто игнорировал бы, относя к уголовной статистике, вызывала миролюбивые усилия целых государств, уступки, политическую легализацию

террористов в качестве *легитимной* стороны переговоров. Стоит ли напоминать, что ни один из таких компромиссов не привел к умиротворению ирландцев, корсиканцев и басков. Они малой кровью добивались всё большего, и недалек день, когда добьются независимости. «Вечный мир» готов оставить в прошлом ценность централизованных и даже федерализованных национальных государств. Он готов создать новые государства и отдать их в руки европейской наднациональной и самозаконной бюрократии, поместив в рамки «компромиссного» Европейского Союза. В проклятом послевоенном прошлом осталась нерушимость границ, в непредсказуемом будущем – независимые новые члены ЕС: респектабельная Шотландия, депрессивное Косово, сезонная Корсика, этнически озабоченная Баскония, промышленные гиганты Каталония и Ломбардия... Пусть будет больше новых государств, хороших и разных, лишь бы грубая материя национального освобождения канализировалась в их свободолюбивый пафос. Пусть против плохого Саддама возникнет хороший Курдистан, а против негибкой Индии – гибкий Кашмир. Лишь бы в дом обывателя не входила война.

Нашествие кланов

Телевизионное переживание перемен закончилось. «Цивилизованные» верхушки новых айсбергов, «политические крылья», использующие терроризм своих подпольных единомышленников для публичного торга и государственного шантажа, как Арафат – Хезболлу, Масхадов – Басаева, – всего лишь телевизионные псевдонимы тех подспудных масс, которые пришли в движение и набирают слепую, разрушительную скорость. Именно в интенсивном политическом торге, в активности международной бюрократии, становящейся все более детальной и изобретательной, созревают угрозы, перед которыми бессильны государственный аппарат и право. Легитимация сепаратизма, отказ от нерушимости границ, «прагматическое» *существост-*

вованье с терроризмом – это новая эпоха передела, новая мировая война, лишь по случайности оставшаяся на периферии массового сознания и политического масскульта.

11 сентября 2001 года и 23 октября 2002 года война пришла в национальные центры, в прямой эфир, где обыватель и политик могли наблюдать себя в качестве непосредственных мишеней. Этой угрозе уже нельзя определить место на окраине, локализовать ее в рамках географических, этнических или социальных «меньшинств». Она внутри ежедневной политической риторики. Она уже часть современного языка. Ориентация общества в современности уже немыслима без самоопределения в контексте растущего числа политических, этнических, религиозных, территориальных сепаратизмов. Для них теперь самозаконная воля даже самой малой группы активистов *выше* свободы личности и национального «общего блага». Для человека девяностых слово «партизаны», прежде однозначно позитивно и героически окрашенное, уже не обозначает акт вневойсковой самозащиты от иноземных оккупантов и не отсылает к 1812 году или белорусским и брянским лесам 1942-го. Оно именуется десятилетиями длящееся восстание подпольных кланов, тесно связанное с наркобаронами, пытками, заложничеством, терактами, марксистским и религиозным фанатизмом. Неизбежной жертвой партизан становятся поверившие послевоенному «вечному миру» обыватели, институты их центральной и национальной власти. Гвардия партизан – меньшинства, управляемые мафиозными и этническими кланами. Среднеевропейским «цивилизованным» хуторским, кулацким, инженерско-учительским, соседским и дачным сообществам эти кланы противопоставляют новые «железные батальоны» этнических, батрацких, бандитских сообществ.

Защищаясь от нашествия кланов, дробящего стабильную обывательскую среду, личность стремится под покров постимперской власти – будь то бюрократическая «партия власти» или политкорректная «единственная супердержава». Но бюрократическая и политкорректная власть гнется под нашествием кланов, выбирая из них те, с которыми можно было бы догово-

риться. Договориться нельзя. И вновь близок день, когда очередной прирученный Римской империей варвар захочет стать императором Рима.

Террор сопредельных территорий

Как с этим может бороться государство? По каким линиям каких границ оно хочет строить «бетонные» стены и полосы безопасности? Как бы ни была опасна агрессия бандитских групп с сопредельных территорий, главная угроза исходит *от самих территорий*: от слабости их центральной власти, от непрекращающегося потока трудовой миграции, от традиционной транснациональной этнической мафиозной инфраструктуры, от приграничного бизнеса (контрабанды, оружия, наркотиков, беженцев), коррумпирующего местные органы власти на сотни километров в глубь национальной территории, от формального и неформального шпионажа и т. п.

В 2002 году порт Диксон, расположенный на российском побережье Северного Ледовитого океана, на западной оконечности полуострова Таймыр, отметил юбилей, способный послужить свежей темой для читателей-писателей, любящих сюжеты выживания малых сообществ, изолированных от Большой земли (будь то занесенный снегом графский замок, дальний остров или Луна). В 2002 году Диксон отметил шестидесятилетие обороны от фашистского флота, проникшего в эту ледяную глубь за тысячи километров не только от фронта, но и от какого бы то ни было жилья.

Не будет большим преувеличением сказать, что и поныне все полярное побережье России по-прежнему находится в состоянии изолированного выживания и еще более уязвимо перед военной и разведывательной деятельностью других государств. Хорошо, если разведка эта пока ограничивается сугубо военными целями и, следовательно, использовать ее выводы на практике потенциальному противнику пока затруднительно.

Но что может противопоставить условный российский северный Диксон любой коммерческой разведке: геологической, нефтегазовой, рыболовной – готовой балансировать близ территориальных вод, имеющей среди инструментов конкурентной борьбы затяжные территориальные споры и международную экологическую бюрократию, способной жестко ограничить свободу России даже в этом безжизненном регионе?

Еще более уязвимыми становятся пустынные российские Крайний Север и Дальний Восток на границах с *сопредельными* территориями – на Чукотке и на Курилах. Сколь бы интенсивно ни развивался сейчас Сахалин благодаря нефтеносному шельфу, одного его явно не хватит для устойчивости российских экономических, военных и политических границ. Когда Южные Курилы так или иначе попадут в зону прямого влияния Японии – энергодефицитные, изолированные, нищие и малонаселенные российские Колыма, Сахалин и Камчатка получат «образцовый», интенсивно развиваемый, окормляемый американскими базами японский клин. Ныне рассеянная по портам Южного Сахалина и Приморья деловая японская и корейская сеть получит еще одну опору для экономического доминирования.

До сего дня нет ответа на перспективы демографического и инфраструктурного доминирования Кореи и Китая в Приморском и Хабаровском краях, Амурской области. Слава Богу, абсолютный экономический и демографический перевес Китая в этом регионе в ближайшие десятилетия будет находиться в рациональном управлении китайских властей. Но неотвратимо приближающийся коллапс Северной Кореи (который реформы в этой стране только ускорят) делает Приморье заложником этой социально-экономической катастрофы. Голод, смута и предполагаемая резня затронут не только Китай и Южную Корею, но и Россию, которая не справится с их гуманитарными последствиями и вряд ли будет готова к лобовому столкновению с интенсивной военной и разведывательной активностью США, в значительной степени «фильтруемой» сегодня суверенной территорией Северной Кореи. Поглощение КНДР Южной Кореей, конечно, в ближайшее десятилетие не оставит воссо-

единенной стране сил для экспансии в Приморье. Но можно прогнозировать, что, фактически уже экстерриториальные, северокорейские фактории на российском Дальнем Востоке превратятся в сеть неподконтрольных российским властям военно-экономических баз экс-коммунистической корейской элиты, способной к существенному политическому влиянию. Так, в дополнение к китайскому бизнесу, уже способному к косвенному влиянию на региональные выборы в приграничных субъектах РФ, возникнет не сдерживаемое коммунистической секретностью корейское влияние. Спешно достраиваемый в этой части России космодром «Свободный», таким образом, окажется в положении режимного анклава. Однако реальная вовлеченность местного населения в деловые отношения с китайцами делает «Свободный» фактически беззащитным перед военно-разведывательной деятельностью Китая. Не исключено, что в ближайшие годы Китай из «экологических» соображений потребует закрытия космодрома. В любом случае, Дальний Восток экономически и инфраструктурно уже гораздо более зависим от Китая, чем от федерального центра. Перед лицом нового корейского кризиса эта часть России будет вовлечена США, Японией и Китаем в «гуманитарно-политическое» посредничество на территории объединенной Кореи. В контексте тяжелых социальных последствий объединения часть затронутой кризисом территории России фактически окажется объектом китайского «гуманитарного» попечения.

Можно сказать, что корейский кризис может подчинить Дальний Восток не только экономическому, но и политическому доминированию Китая. В таком случае судьба военной инфраструктуры России в этом регионе непредсказуема. С распадом СССР и независимостью стран Средней (Центральной) Азии Бог, казалось, миловал Россию от разрушительной встречи здесь с китайскими интересами. Но не исчезла экспансия Китая, вызванная длительной экспансией Российской империи в китайском, но населенном мусульманами Синцзяне, который для сталинского СССР даже стал проектом марионеточной Восточно-Туркестанской республики. Сюда вот уже пятьдесят лет на-

правляются централизаторские усилия Китая, выстраивающего в этой бедной и малонаселенной местности мощную военно-административную инфраструктуру. От нее традиционно бежали в Киргизию и Казахстан китайские уйгуры, а теперь переносят туда же свои базы исламские сепаратисты и радикалы. В ближайшей перспективе сохранение Киргизии как самостоятельного государства могло бы целиком зависеть от доброй взаимно сбалансированной воли России и Китая, если бы страна не подвергалась еще большей опасности со стороны узбекских и афганских исламистов. Растущая российская собственность и значительная интегрированность в русский культурный контекст городского киргизско-русского населения этой страны вынуждает Россию к постоянному вмешательству и обременению себя всеми угрозами, с которыми сталкивается Киргизия. Даже если через десять или двадцать лет всё славянское и часть киргизского городского населения будут эвакуированы в Россию, то России придется – к удовлетворению российского обывателя – поддерживать вдалеке от своих границ доминирующее военно-политическое присутствие в Киргизии, как и в Таджикистане и Армении. Вопрос лишь в том, каких новых уступок и сделок с Китаем это может потребовать. Выживет ли Киргизия даже под китайским протекторатом «после Акаева» – большой и грустный вопрос.

Фактический уход России из Казахстана был предопределен невозможностью обеспечения интересов российского бизнеса и русскоязычного населения в Казахстане. Последними казахстанская власть неизменно жертвовала все постсоветские годы во имя интересов этнических и «семейных» казахских кланов, несмотря на всю свою евразийскую риторику и поголовное русскоязычие населения. Казахстан сегодня – лидер по эмиграции в Россию. Демографически это даже выгодно России. Но это не может компенсировать того обстоятельства, что после истощения эмиграционного потенциала и «после Назарбаева» мы имеем дело с многотысячекилометровой границей, фактически условно проведенной по неконтролируемой степи в непосредственной близости от «внутренних» российских регио-

нов, до сих пор беззащитных перед этнической казахской сельской экспансией, влекомой в Россию (вслед за русскими) сугубо экономическими причинами, – за естественным рынком сбыта и труда. Таким образом, проходящая близ экономического, коммуникационного и географического хребта России – близ Астрахани, Волгограда, Саратова, Самары, Оренбурга, Магнитогорска, Челябинска, Тюмени, Омска – казахская граница, Казахстан – *главная внутренняя угроза России*. Россия может уйти и уходит с Байконура. Она может закрыть глаза на преследования русской общественности в Казахстане. Но она не может и никогда не сможет выстроить здесь границу или отгородиться от казахской миграции, от тяжелого наркотического и идеологического дыхания Ирана, Афганистана и Пакистана. При этом со времен уральского и семиреченского казачества никакой существенной военной инфраструктуры здесь не строилось и попросту нет. Как это было очевидно еще в XVIII веке, за Волгой у России границ нет – только бесконечное дикое поле до монгольской пустыни Гоби. Можно призвать США охранять южные рубежи этого поля, как раньше это делала Британская империя, но охранять страну от этих охранников здесь некому.

О Кавказе «после Алиева», «при Шеварднадзе», «после Шеварднадзе», «без Шеварднадзе» умолчим. По крайней мере, пусть ценой тяжкого опыта, на этом направлении выстраивается система безопасности. Но какова будет её цена, когда России – под ревнивым наблюдением Европы и США – придется взять на себя ответственность за Закавказье, – Бог весть. Одно лишь очевидно уже сейчас: огромные и влиятельные грузинская, армянская, азербайджанская общины в России в этом деле ей не помощники. Они могут, но не хотят и не будут укреплять лояльность своих соплеменников к России. Словно лояльность к своей России для них – нечто стыдное, а антироссийская отвязность далекого уже Закавказья – нечто в высшей степени дорогое и интимное. Словно эти общины, приютив на своей даче душевнобольного родственника, сами не могут ни жить там, ни как-либо влиять на его болезнь, но всячески сердятся на возмущенных буйством соседей. Больной родственник тем време-

нем исправно поглощает их заработки, ведет коммунальные войны и пишет в ООН. С недавних пор признан американцами.

Как бы ни были травматичны для России развод с Украиной и небрак с Белоруссией, на этом направлении ей угрожают отнюдь не психологические драмы. Конечно, белорусская собственность еще не скуплена так, как украинская, но гипотетический переход власти на Украине и в Белоруссии в руки проамериканских националистов в равной степени опасен. Неэффективные, идеалистические действия современной российской власти в отношении Украины, столь же неэффективные и хулиганские действия в отношении Белоруссии – порождают серьезные сомнения в том, что «пятая колонна» в этих странах сможет заблокировать неприятные антироссийские поступки проамериканских администраций. Ни разу не использовав способы законного экономического давления на Украину, Россия почему-то надеется, что само наличие газовой трубы не позволит украинцам разместить военную инфраструктуру НАТО близ Харькова и Донецка. Когда эти надежды рухнут, тогда даже шёпот в коридорах российского Белого дома станет предметом онлайн-мониторинга CNN. Что станет тогда с Калининградом, чья оторванность от России до сих пор подсознательно отсчитывается не от Пскова – Смоленска, а от белорусско-польской границы? Понятно, что риторика любви и дружбы так же мало поможет эффективному вмешательству России, когда в украинском Крыму крымские татары перестанут быть униженным меньшинством и станут униженным большинством, со всеми вытекающими из этой перемены боснийско-косовскими последствиями.

Итак

Крайний Север и Дальний Восток России – перед угрозой американо-японской и китайско-корейской экономической, политической и военной экспансии. Пятьсот лет назад перед Ермаком Тимофеевичем, двигавшимся сюда «навстречу солнцу», ле-

жала почти неспособная к сопротивлению пустыня. Теперь – перед тремя лидерами мировой экономики – с востока Россия так же пустынна и почти беззащитна. Западная Сибирь, Южный Урал и Нижняя Волга – экономически состоятельны, населены и потому еще более уязвимы перед паразитирующей Средней Азией, в которой, может быть, единственный фактор стабильности – Узбекистан. Что будет здесь «после Акаева», «после Назарбаева», «после Каримова» – страшно себе представить.

Наш Северный Кавказ обречен на прифронтовое существование, а Россия – на тяжелую, неизлечимую, не дающую никакого влияния, грозящую только убытками вовлеченность во внутренние дела: грузин России и Грузии, армян России и Армении, азербайджанцев России и Азербайджана. Закавказье всегда будет входить в Россию, как к себе в дом.

Граница с Белоруссией и Украиной может стать восточной границей НАТО. Смоленская, Брянская, Курская, Белгородская, Воронежская, Ростовская области и Краснодарский край к этому не готовы. Калининград – тем более.

Отечественный бизнес и ответственный политический класс приветствуют переориентацию грузовых потоков с портов Прибалтики на порты Санкт-Петербурга и Ленинградской области. Заслужат ли Балтийский флот и отечественная дипломатия такое же признание через несколько лет, когда вступившие в НАТО Литва, Латвия и Эстония вдруг обнаружат, что русский транзит переориентирован и больше не составляет значительной части доходов их бюджетов? Обнаружат – и вместе со всей финско-датской Европой вдруг забеспокоятся о судьбе Балтийского моря, экологии петербургских портов и чрезмерных их грузопотоках, мешающих перелетам птиц. Еще в начале 1990-х Литва Ландсбергиса очень радовалась нефтяным месторождениям близ Куршской косы как залогом независимости, а теперь уже вместе с Европой крайне беспокоится об экологии этих месторождений – ибо часть их оказалась на российской территории и разрабатывается ЛУКОЙЛом...

Один властный интеллигент как-то сказал в частном разговоре: «С чего это все взяли, что с Путиным наступила стабильность? С чего это все вдруг так успокоились? Ведь нас ждет целая эпоха войн по всему периметру наших границ...» Кажется, что все-таки пока не войн, но то, что это будет целая эпоха комбинированных, ползучих, непоправимых угроз, – очевидно. Вот к чему пришел послевоенный «вечный мир», разжигаемый в вечную смуту. Вот о каких присущих ему угрозах приходится рассуждать. Есть глубокие сомнения, что на эти угрозы нам есть что ответить. Но есть надежда, что российскую армию не оставят в одиночестве, когда настанет момент отвечать.

Ноябрь 2002

Фронт против России: санитарный кордон и внешнее управление

Мировой порядок, создававшийся в 1945–1975 годах, разрушен. Надежда на то, что уничтожение старого мирового порядка закончится вместе с уничтожением коммунизма, не оправдалась. Теперь нескрываемой целью западных «злых полицейских» является расчленение России, а целью «добрых полицейских» – «внешнее управление», ограничение ее суверенитета, установление международного контроля над ее ядерной обороной. Стоит ли удивляться, что в заново переписанных национальных историях бывших коммунистических государств и советских республик новые герои – фашисты, эсэсовцы и шовинисты, чья единственная «заслуга перед мировой демократией» – борьба против России.

Если более не существует системы международного права, в котором были суверенитет, невмешательство во внутренние дела и нерушимость границ, в котором территориальная целостность, право наций на самоопределение и права человека мыслились как единое целое, – то «всё позволено». Теперь, когда удобная «глобализация» выше национального суверенитета, «вашингтонский обком» и брюссельская бюрократия – единственные толкователи норм демократии, Милошевич перед Международным трибуналом, а армия США избавлена от юрис-

дикции международного суда, – у России нет шансов «примерным поведением» заслужить снисхождение. Нам сказано: Россия «слишком большая» для выживания в новом мировом порядке.

«Мир с позиции силы» обращен к России единственным на планете географически выстроенным фронтом, в строительстве которого нет перерывов: постколониальный эшелон против СССР сменился посткоммунистическим эшелонем против России, а тот – новым, постсоветским «санитарным кордоном». Россия реформировалась, либерализовывалась, демократизировалась, исполняла условия, соглашалась с инспекциями и мониторингом, смирялась с капризными ревизорами, научилась терпеть двойные стандарты, встроилась, наконец, в коалицию против террора – строительство «санитарного кордона» не остановилось ни на секунду. И его движение в глубь России само уже не остановится никогда.

У нас перед глазами пример Югославии – Сербии. Даже капитулировав, даже отправив в Гаагу Милошевича, она не заслужила «прощения»: Сербская Краина истреблена, Республика Сербская изолирована, Косово отчленено, Черногория отделена. Можно было бы поверить, что искренний Запад действительно искренне становится на сторону каждого самоопределяющегося «против империи» народа, а судьба антисербских разделов подобна судьбе антипакистанской независимости Бангладеш, антиэфиопской Эритреи, антииндонезийского Восточного Тимора, антиюгославских Словении, Хорватии, Боснии, Македонии. А развод Сербии и Черногории подобен разводу Чехии и Словакии... Но в Сербии на очереди – автономная Воеводина, где венгры не составляют достаточной для суверенизации доли населения.

Но албанское этническое меньшинство при поддержке Запада уже дробит Македонию, а завтра примется за Черногорию. Инициировав разрушение старого мира, новый мировой порядок не может предложить своим сторонникам ничего, кроме странного союза брюссельской бюрократии с провинциальными

ми националистическими этнократиями. От них требуются только лояльность и умение уместить свое «национальное возрождение» в рамки НАТО – ЕС.

Достигнув национальной независимости, они уже на следующий день становятся в очередь в НАТО. Едва закончив свою легендарную борьбу против брежневского «ограниченного суверенитета», полудухлых Совета экономической взаимопомощи и Варшавского договора, они жертвуют еще большим ради самоподчинения жесткому и бесцеремонному Европейскому Союзу. Гордясь своими посткоммунистическими либеральными реформами, эти «новые демократии», однако, готовы радикально истребить свое сельское хозяйство и высосать свои трудовые ресурсы на Запад ради социалистических субсидий ЕС.

Они горды и своей новой задачей – своим прифронтовым положением и самозванным статусом «главных посредников» и «специалистов» по постсоветским странам и России. Но Россия к посредничеству их не приглашала, хорошо помня, что в оккупационной жестокости против нас лидировали именно «национальные» формирования СС.

Их ждут неожиданности. Все эти новые этнократии – лишь часть дробящейся европейской мозаики, в которой традиционная самостоятельность местных властей уже не удовлетворяется возможностями немецкой и австрийской федераций, швейцарской конфедерации, более чем обширными правами испанских автономий. На очереди – претендующие на непосредственное членство в Европейском Союзе испанские Баскония и Каталония, французская Корсика, итальянские Ломбардия и Тироль, греческий Кипр отдельно от турецкого Северного Кипра. Шотландия, Гренландия, Израиль без Палестины.

Разрушая национальные суверенитеты, самодостаточная брюссельская бюрократия неизбежно провоцирует внутри Европы мозаичный федерализм вовсе не для того, чтобы национальный голос Польши, сравнявшись с национальным голосом Люксембурга, укрепил сводный хор европейских народов. Хор – архаика. Современность – «технологическая» власть Брюсселя.

Её фундаментальная задача – распределять. Её практика – вечная борьба за новые ресурсы ЕС и новые обеспеченные ресурсами США задачи по развитию «санитарного кордона» вокруг России.

Двигая фронт все дальше на Восток, накрывая военной инфраструктурой всё постсоветское пространство, включая Среднюю Азию, Брюссель не может не поглотить Турцию и Украину. Европейские аналитики не скрывают, что «судьба ЕС зависит от Турции и Украины», но не говорят, что это значит. А это значит, что к 380 миллионным гражданам ЕС через ряд лет прибавится 120–130 миллионов турок и украинцев, а к тысячам брюссельских бюрократов – квотные 3–4 тысячи турецко-украинских евробюрократов.

Допустим, ЕС переживет шок тюркизации-украинизации. Но пережитый Турцией – ради вступления в ЕС – шок «трудных решений» в отношении курдов и геноцида армян будет компенсирован совершенно особым турецким присутствием в Германии, на Балканах, в молдавской Гагаузии, украинском Крыму, грузинской Абхазии, не говоря уже об Азербайджане.

Помня о «слишком большой для Европы» России, новая украинская власть начинает административно-территориальную реформу. Видимо, укрупняя и укрепляя Галицию, она стремится не только уравновесить Закарпатье, Новороссию и Донбасс, но и сделать свою карту более удобоваримой для европейской «интеграции». Горьким юмором истории станет встреча в Брюсселе полноправных басков, каталонцев и крымских татар.

Чтобы справиться с внутренним федералистским и этнократическим хаосом в Европе, ЕС и США жизненно важно укреплять внешние границы объединенного европейского суверенитета. Интенсивное развитие и расширение «санитарного кордона» против России, чьи пределы и есть пределы этого суверенитета, – предмет бюрократического консенсуса ЕС и США, на фоне которого любые «особые отношения» старой Европы с Россией – это отношения вчерашнего дня, память о старом мировом порядке, безобидная фронда.

«Санитарный кордон» нестабильности, созданный из постсоветских национальных государств в конце 1980-х годов, видимо, уже не может технологически удовлетворить потребностям тотального евроатлантизма. Обусловленные политически, исторически и географически нежелание или неготовность таких национальных государств, как Белоруссия, Украина, Грузия, Армения, Азербайджан, подчинить свой суверенитет новому мировому порядку – сделали их негодными в качестве элементов «кордона». И первые перемены в этой цепи – в Грузии и на Украине – породили надежду, что Западу удастся подчинить ее новым задачам, превратив из «линии соприкосновения», на которой главное – поддержание напряжения, в «передовой эшелон фронта», в котором главное – жесткий порядок и дисциплина.

Чтобы наступать дальше и самоутверждаться, Брюсселю нужны стабилизация «санитарного кордона» вокруг России и противоречащее принципам ЕС (признавшего Восточный Тимор, Словению, Хорватию, Боснию, Македонию, Косово) истребление постсоветской «естественной суверенизации» Приднестровья, Абхазии, Южной Осетии, Нагорного Карабаха. Борясь с Россией, Запад всегда будет игнорировать на словах столь дорогие ему суверенитет, федерализм, меньшинственные права русских в Латвии и Эстонии. Запад готов признать независимость Иракского Курдистана и готов думать об отчленении Иранского Азербайджана, но никогда не изменит ориентации своего главного фронта против России.

Не особенно скрываясь, Запад показал – куда именно будут направлены усилия нового «санитарного кордона», имеющего в тылу новую власть в Грузии и на Украине. После поражения сепаратизма в Чечне – новый «горячий» фронт выстраивается в целом на Северном Кавказе. После активизации (в первую очередь, согласованными усилиями Эстонии) вопроса о положении финно-угорских народов – потенциальным «холодным» фронтом становятся Карелия и Поволжье. При этом мало кого волнует, что, например, марийцы имеют в России Националь-

ную автономию, а русские в Эстонии – не имеют даже полноты гражданских прав...

Очевидно, что теперь речь идет уже не о периметре границ России и не о пограничном ее вытеснении, а об ее «взламывании» в самой сердцевине, по оси Волги, что на практике означает претензию на введение «внешнего управления» Брюсселя в европейской части России.

В этих условиях у России, желающей сохранить свою территориальную целостность и суверенитет, нет большего союзника, чем прежний «санитарный кордон», возведенный против неё при издыхании старого мирового порядка. Нет большей поддержки, чем скорейшее вступление Турции и, может быть, даже Украины в Европейский Союз. Нет более искреннего партнерства, чем с национальными государствами, отстаивающими свой суверенитет против экспортных «революций», и самоопределившимися народами, борющимися за признание своего максимально возможного государственного статуса.

Малосимпатичный союз империалистического «образца демократии» США с антинациональной социалистической бюрократией ЕС не оставляет России выбора.

Март 2005

Непризнанные государства бывш. СССР в контексте Балкан и Черноморского региона

Тезисы к постановке проблемы

Проблемы постсоветских непризнанных государств (государств де-факто: Приднестровской Молдавской Республики, Республики Абхазия, Республики Южная Осетия, Нагорно-Карабахской Республики), образовавшихся в 1990–1992 годах и часто называемых «самопровозглашенными государствами» (что вряд ли может быть признано терминологически удачным – среди крупнейших государств мира трудно найти не «самопровозглашенные»), следует рассматривать не только в контексте истории бывшего СССР с его конфликтами, но и в контексте истории всего посткоммунистического Балканско-Черноморско-Кавказского региона. Специфика этих проблем может рассматриваться и в контексте постимперского (послеосманского) и даже – постколониального пространства (с прецедентами добившихся независимости Эритреи и Восточного Тимора).

Непосредственными историческими предпосылками возникновения непризнанных государств региона стали: процесс суверенизации и национального освобождения стран советского блока, создание национальных государств на его месте, которые повлекли за собой распад социалистической системы, Организации Варшавского Договора, Совета Экономической Взаимопомощи, СССР и Социалистической Федеративной Рес-

публики Югославия. В результате этого возникли новые государства:

на Балканах – Словения, Хорватия, Босния и Герцеговина, Сербия и Черногория (с перспективой независимой Черногории), Македония. К ним примыкали непризнанные государства: Косово, Сербская Краина, Республика Сербская, другие;

в Черноморско-Кавказском регионе – Молдавия, Украина, Грузия, Азербайджан, Армения. К ним примыкали непризнанные государства: Приднестровье, Абхазия, Южная Осетия, Нагорный Карабах.

Особой новацией в регионе в результате уничтожения режима Саддама Хусейна в Ираке стал Свободный Курдистан, добившийся федеративного устройства Ирака, собственного практически конфедеративного в нем положения и, видимо, стремящийся к независимости. Другой новацией выступает фактическое признание со стороны ООН международной субъектности непризнанной Турецкой Республики Северного Кипра, получившей равные права с греческой частью Кипра на референдуме о конфедеративном воссоединении Кипра. Референдум не удался – и греческая часть Кипра самостоятельно вступила в Европейский Союз, а Северный Кипр активизировал горизонтальные связи с Турцией и Азербайджаном.

В течение 1990–2000-х годов исторически было реализовано несколько моделей решения проблемы непризнанных государств со стороны международного сообщества, сторон конфликта или народов самих этих государств:

успешное подавление непризнанных государств: полное государственное и демографическое уничтожение Сербской Краины на территории современной Хорватии, десуверенизация и инкорпорация Республики Сербской в состав Боснии и Герцеговины;

неудавшееся подавление непризнанных государств: Нагорного Карабаха, Приднестровья, Абхазии и Южной Осетии;

«замороженный конфликт» вокруг непризнанного государства или его «отложенный статус»: Нагорного Карабаха, Приднестровья, Абхазии, Южной Осетии, Косово;

урегулирование: реализованная Западом «дейтонская модель», примененная в ходе создания Боснии и Герцеговины (из Мусульмано-хорватской федерации и Республики Сербской), «охридская модель» Запада, реализованная в ходе умиротворения межэтнического конфликта в Македонии (когда вдохновленное опытом Косово албанское меньшинство в итоге получило квотное представительство на всех «этажах» государства), модель конфедерации – «содружества» Сербии и Черногории, служащая сейчас для удержания Черногории и Косово (и, возможно, Воеводины) в формальном союзе с Сербией;

отказ от суверенизации, либо сохранение перспективы «проективных автономий» – там, где для борьбы за суверенитет не хватает внутренних ресурсов: Закарпатье, Северная Буковина, Крым – на Украине, Чечня – в России;

«стимулированная» извне суверенизация: Свободный Курдистан в Ираке.

В настоящий момент к непризнанным государствам на постсоветском пространстве (несмотря на активные усилия последнего времени по максимальной интернационализации проблемы со стороны их экс-метрополий – Молдавии и Грузии) скорее относится модель «замороженного конфликта», либо «отложенного статуса» (Приднестровье, Южная Осетия, Абхазия). В целом такова же ситуация и вокруг Нагорного Карабаха. Впрочем, число внешних посредников, желающих решить его проблему – особенно в контексте намерений Азербайджана самостоятельно восстановить свой суверенитет над его территорией и территорией окружающей его «зоны безопасности», – пока не увеличилось.

Исторические факторы формирования непризнанных государств можно систематизировать следующим образом:

изначальный отказ со стороны «метрополии», «центральной власти» нового международно признанного национального государства (бывшей союзной республики СССР) признать суверенизацию части своей территории: отказ Азербайджана признать суверенизацию Нагорного Карабаха, ликвидация автономии Абхазии и Южной Осетии в Грузии, непризнание особого статуса Приднестровья Молдавией;

война между сторонами конфликта в начале суверенизации, создающая ситуацию «соревнования суверенитетов», нарушения территориальной целостности и завоевания реального, но не признанного суверенитета: между Азербайджаном и Нагорным Карабахом, Грузией и Абхазией, Грузией и Южной Осетией, Молдавией и Приднестровьем;

этнические чистки и беженцы, добровольные или вынужденные переселения массы конфликтующих этносов из зоны конфликтов: азербайджанцев из Нагорного Карабаха и Армении, армян из Азербайджана, грузин из Абхазии, осетин из Грузии (исключение – Приднестровье, где этнический баланс молдаван, русских и украинцев сохранен);

наличие среди населения непризнанных государств значительного или абсолютного большинства граждан государств-гарантов (около 100 тысяч граждан России и 50 тысяч граждан Украины – из 600 тысяч, живущих в Приднестровье; 150 тысяч граждан России – из 200 тысяч в Абхазии (90% взрослого населения), 40 тысяч граждан России – из 45 тысяч в Южной Осетии (95% взрослого населения), 100% взрослого населения Нагорного Карабаха являются гражданами Армении);

форма правления и символ суверенитета в непризнанных государствах – президентские республики. И ведущаясь извне этих государств борьба за превращение их в парламентские республики есть не что иное, как один из проектов десуверенизации этих де-факто государств;

интернационализация урегулирования;

принципиальный и консенсуальный характер проблемы суверенитета для каждой стороны конфликта: как для Грузии является абсолютно неприемлемой независимость Абхазии и Южной Осетии, так и для Абхазии и Южной Осетии считается абсолютно неприемлемым сценарий их даже федеративного возвращения в состав Грузии. Столь же принципиальный характер носит проблема статуса Приднестровья для Молдавии, Нагорного Карабаха для Азербайджана, и наоборот.

Постсоветские непризнанные государства не пользуются поддержкой Запада (кроме, частично, Нагорного Карабаха, получающего прямую государственную финансовую поддержку от США). Поэтому перспективы суверенизации непризнанных государств на пространстве бывшего СССР действуют в ином коридоре возможностей, нежели предоставляются Западом для Косово и Свободного Курдистана в составе Ирака.

Тем не менее, реально существуют возможности легитимации их как государств или, по крайней мере, как частично правомочных субъектов международного права, особенно в контексте реализованной в 1990-е годы идеологии «Европы регионов», подпитывающей федерализацию Румынии в пользу венгерского меньшинства в Трансильвании, суверенизацию Корсики внутри Франции, Каталонии и Страны Басков внутри и без того федеральной Испании. Такую крипто-легитимацию можно классифицировать по следующим факторам:

международно-правовые – например, поддержанный ОБСЕ меморандум в отношении Приднестровья от 8 мая 1997 года предоставляет Приднестровью суверенные права ведения внешнеэкономической, образовательной и культурной деятельности;

интеграционные – межрегиональные, коммуникационные и хозяйственные связи всех сторон конфликта и их соседей (кроме Нагорного Карабаха, не имеющего никаких межрегиональных связей с Азербайджаном);

электоральные – элементы международной легитимации существующих институтов власти непризнанных государств – например, признание парламентских выборов в Приднестровье по законам Приднестровской Молдавской Республики как выборов в легитимные органы местного самоуправления;

гражданские – права граждан стран-гарантов на территории непризнанных государств, которые фактически не только обеспечивают интернациональный характер урегулирования, но и придают населению этих государств гражданскую субъектность. Даже при соблюдении принципа территориальной целостности их «метрополий», внешние гарантии гражданских прав населения непризнанных государств создают новую легитимность институтов их самоорганизации, на практике совпадающую с государственными институтами.

Ожидаемое в течение 2006 года предоставление под эгидой евроатлантических организаций фактической независимости Косово от содружества Сербии и Черногории, безусловно, придаст новую историческую динамику проблеме непризнанных государств – и часть из них поставит в ряд «самоопределившихся», а часть – в ряд «реинтегрируемых»: насколько успешным будет новое издание реинтеграции и как оно вместе с прецедентом Косово повлияет на историческую стабильность Балканско-Черноморско-Кавказского региона – остается только догадываться.

Сентябрь 2005

«Косовский прецедент»: создатели и плоды

10 декабря 2007 года истек срок, отпущенный на урегулирование проблемы Косово¹. Этот день стал первым днём «косовского прецедента». Косовские власти признали международные посреднические усилия исчерпанными и перевели свою борьбу за независимость в последний акт, а США, ЕС и их многообразная клиентела на территории бывшего СССР попробовала признать «косовский прецедент» несуществующим и уникальным.

Интересны задушевные признания авторов прецедента, сопровождающие заведомо слабые аргументы в пользу его «уникальности». Первое: Косово должно стать независимым, ибо «сербы виноваты как народ». Эту расистскую, звериную формулу в августе 2006 года изобрёл, объявил и публично отстаивал специальный представитель ООН по Косово Марти Ахтисаари. Второе: в апреле 2007 года, когда ещё не истекли сроки, определённые для переговоров о статусе Косово, заместитель госсекретаря США Николас Бернс заявил: «США уверены, что независимость Косово – единственное решение проблемы этого края... Есть утверждения, что эта независимость станет прецедентом для других сепаратистских движений, но мы такое ут-

¹ 17 февраля 2008 года парламент Косово принял декларацию о независимости края от Сербии. В течение нескольких дней она была поддержана крупнейшими государствами Запада.

верждение полностью отвергаем». «Косово точно уже не будет частью Сербии», – в мае 2007 года предрекла госсекретарь США Кондолиза Райс, а в июне и сам Джордж Буш предупредил: «Независимость Косово неизбежна».

В этих признаниях – вся подноготная «уникальности». Ни Ахтисаари, ни Райс, ни Буш не скрывают, что созданная в результате прямой вооружённой агрессии против Югославии в 1999 году, с нуля, без каких бы то ни было исторических предпосылок², Соединёнными Штатами и их европейскими союзниками косовская государственность – с самого начала была предметом «ручной настройки».

Сколько бы ни твердили в унисон союзники США об «уникальности» будущего события (чем ближе «неизбежность», тем острее желание избежать её последствий), на деле «косовский прецедент» уже восемь с лишним лет как создан самими США и поддержан их клиентелой на территории бывшего СССР. В 1999 году США и НАТО вмешались во внутренний конфликт в югославском Косово, разбомбили метрополию, легализовали тесно связанных с наркотрафиком и исламским терроризмом албанских радикалов, передали им в руки почти полную государственную власть, санкционировали антисербскую чистку и сегрегацию.

Насколько этот прецедент уникально не существует, даже слепым и глухим клиентам США может рассказать многонациональный хор мирных (и не очень) борцов за независимость из Шотландии, Фландрии, Каталонии, Страны Басков, Корсики, Западной Сахары, Трансильвании и т. д., не говоря уже о тех, кто отсто-

² Карабахский аналитик Давид Карабекян сделал важное различие: «Косово с первых дней своего существования формировалось внешними силами (читай: Западом)». В этом его действительное отличие от всех других, построивших свою государственность самостоятельно. В этом и его совершенно неконкурентное отличие от Приднестровья, Абхазии и Южной Осетии, в 1990-е годы выживших и состоявшихся в тени равнодушия и даже иной раз противодействия слабой России. Но отличие, должное понизить, а не повысить его шансы на независимость. В случае с Косово и в том, и в другом действует обратная логика.

ял свою независимость с оружием в руках, но формально ещё не признан – на территории бывшего СССР. Не говоря уже о тех, кто воевал за независимость, победил и добился признания – в Эритрее и Восточном Тиморе. Не говоря уже об иных американских любимцах, которым предложат либо – против своих интересов – одобрить «уникальность», либо, скорее всего, дождаться повторной «уникальности» для себя: Турецкой республике Северного Кипра, Тайване и Курдистане. Много интересного увидят в «несуществующем прецеденте» и Республика Сербская в столь же созданной с нуля Соединёнными Штатами Боснии и Герцеговине, и Палестина, и албанские анклавы на Балканах. Впрочем, клиентеле это известно не хуже других.

Прецедент-1999: расчленение

«Косовский прецедент» появился в международном политическом языке в 1998–1999 годах и означал подготовку и практику агрессии США – НАТО против признанного государства, его полную или частичную оккупацию и расчленение.

Когда агрессия ещё только готовилась, в сентябре 1998 года представитель Китая в ООН предупреждал, что «это может в будущем создать плохой прецедент», а троцкисты из Международной партии трудящихся пророчили, что «это создаст прецедент для будущей интервенции войск НАТО в Восточной Европе, России и других бывших республиках СССР...». С левыми были согласны и вполне статусные атлантисты: «Интервенция в Косово создает опасный прецедент для сил НАТО и США по поддержке движений борьбы за независимость внутри независимого государства» (конгрессмен МакКоллинз, март 1999). Или: «Во внутренние дела России никто не лезет по причине наличия у страны ядерного оружия. Мировое сообщество также не лезет в отношения Индии и Пакистана по той же причине. Запад действует только по отношению к странам, у которых нет атомного вооружения: Гренада, Гаити, Панама, Югославия, Ирак. Самый большой прецедент был создан в Югославском конфликте, когда НАТО,

полностью игнорируя мнение ООН, напала на независимое государство» (экс-посол Канады в Югославии Джеймс Биссет, май 1999). Тогда же, раньше и точнее многих, перспективы «косовского прецедента» обнаружили (с радостью) в Палестине и (с тревогой) в Израиле, и особенно Ариэль Шарон, заявивший, что теперь «Запад, благодаря косовскому прецеденту, сможет вторгнуться на наши земли».

Для России, как это помнит большинство живших тогда, агрессия в Косово стала моментом политического отрезвления и осознания многих нелицеприятных истин, среди которых была и такая, ныне кажущаяся банальной: национальные интересы России не сводятся к неукоснительному следованию внешним правилам произвольно толкуемой «демократии», более того – чем существенней эти интересы, тем циничней и «недемократичней» их ущемление со стороны евроатлантических учителей, готовых не только к введению «внешнего управления» Россией, но и к её территориальному расчленению. Жертва, принесённая Сербией на наших глазах, открыла нам нашу неспособность защитить себя и крайне зыбкую целостность тогдашней России. Позволю себе процитировать, что писал я сам в первые дни агрессии 1999 года: «Исторический инстинкт и немая аналогия вчерашнего СССР и сегодняшней России со вчерашней и нынешней Югославией заставляют... обнаруживать свою завтрашнюю судьбу в сегодняшней сербской картинке... сравнение Сербии со старой русской метрополией, Косова – с Чечней³... Мы – следующие. Мы – сербы... Мы никогда не будем для «них» достаточно хорошими.

Война против Югославии создала прецедент, на котором в историях мировой политики у русских читателей всегда будет лежать закладка. В них, в историях, привычных к гекатомбам и геноциду,

³ «Контрпример» Чечни, предупредительно адресовываемый России в контексте Косово (де, после признания независимости Косово, не вздумайте признавать, например, Абхазию, а не то кто-нибудь признает Чечню и отколет её от России), вряд ли можно считать контрпримером: претендующей на признание независимости Ичкерии ни в Чечне, ни где бы то ни было давно уже нет.

тайной резне и двойным стандартам, прочитается: теперь все возможно, теперь это будет и с нами»⁴.

В августе 1999 года, не удовлетворившись фактической независимостью Ичкерии, Басаев и Хаттаб вторглись в Дагестан.

В 2000 году в результате первой «цветной революции» был свергнут президент Югославии Милошевич. В 2001 году США с союзниками вошли в Афганистан, в 2003 – в Ирак, свергнув президента Хусейна. Косово и Курдистан получили от США карт-бланш на движение к независимости⁵.

Демонстрация военной силы послужила хорошим фоном для вмешательств невоенного, «цветного» свойства, сугубо политических (хотя кто скажет, где кончаются специальные операции и начинаются политические). В 2003-м в Молдавии «переменился» президент Воронин, в 2003-м в Грузии был свергнут президент Шеварднадзе, в 2004-м в Литве – президент Паксас, в 2004-м на Украине – президент Кучма, в 2005-м в Киргизии – президент Акаев. «Зачистка» политической карты мира приобрела обвальный характер и поначалу казалось, что уж коли новые независимые государства так легко оказываются под контролем США, то и «урегулирование» этнополитических конфликтов посредством расчленения метрополий становится излишним.

Опыт «перемены» молдавского Воронина обнаружил ещё одно условие: ни европейская риторика, ни расчленение сами по себе – не ценность. Для «косовского прецедента» образца 1999 года ценна не только военная оккупация, но и политический контроль. Риторически этот контроль был сформулирован в требованиях о соответствии нового косовского режима «демократическим стандартам», действующая система которых должна была предшествовать решению вопроса о статусе края. Вскоре о них забыли, а введённую для их реализации международную ад-

⁴ Модест Колеров. Мы – сербы // ПОЛИТ.РУ. 26 марта 1999 (www.polit.ru/documents/102330.html).

⁵ Итоги выборов в Ираке: Курдистан и новый региональный расклад // REGNUM. 16 февраля 2005 (www.regnum.ru/news/408034.html).

министрацию оставили – и она стала «крышей» для легитимации Косово.

Именно тот факт, что достигнутый Ворониным и Россией компромисс вокруг Приднестровья (в «меморандуме Козака»⁶) не оставлял места для атлантического контроля и, напротив, сохранял в регионе присутствие России, и стал причиной произведённой с Ворониным «перемены» и его отказа от приднестровского урегулирования.

Но на пике политического могущества США контроль всё чаще оказывался неэффективным и становился своей противоположностью – вовлечённостью в нестабильность. Перед глазами сценаристов косовской независимости вырос тупик неизлечимой нестабильности в Афганистане и Ираке, спровоцированной США. Теперь США согласны на любую находящуюся под их контролем «стабильность», даже такую, как в Косово, способную сдетонировать уже не там, на Среднем Востоке, а здесь, в Европе. Очевидная неспособность США к эффективной оккупации «врагов свободы» и двусмысленные успехи США на территориях «образцов демократии» (Украина, Грузия) толкают их на сделку с любым режимом, который – безотносительно верности демократии – станет политическим союзником США, санкционирует их военное присутствие и, если необходимо, выдаст мандат на урегулирование. Здесь США с готовностью воспользуются «косовским прецедентом», потому что главное его условие – контроль.

Прецедент-2004: легитимация

В начале 2004 года, когда «косовский прецедент» 1999 года на время затмился серией «цветных революций», проходивших свою кульминацию, а политический смысл и региональное

⁶ «Меморандум Козака»: Российский план объединения Молдовы и Приднестровья (2003) // REGNUM. 23 мая 2005 (www.regnum.ru/news/458547.html).

предназначение президентства Михаила Саакашвили были ещё не всем ясны, первый заместитель главы МИД России Вячеслав Трубников предложил формулу урегулирования конфликтов на территории б. СССР («меморандум Козака» по Приднестровью только что был отвергнут Молдавией).

Формула являла собой предельно компромиссную попытку рассматривать конфликты в б.СССР вне косовского контекста, а перспективы их урегулирования находить в рамках «уникальных» обстоятельств и намерений метрополий. Грузии Трубников говорил: «Новому руководству Грузии нужно находить общий язык и с Абхазией, и с Южной Осетией, и с Аджарией, потому что в последние годы, собственно говоря, власть в Грузии за пределы Тбилиси не распространялась. Надо восстанавливать страну».

Отвечая на вопросы азербайджанских журналистов, Трубников сказал: «Я не думаю, что формула, которая была изобретена для Молдавии, универсальна. Почему? Потому что в принципе эта формула следовала за принципиальным решением Кишинева о федерализации страны. И всё вставало на свои места. Раз это федерация, значит, давайте думать, какая это будет федерация. Для Грузии этот вопрос пока не стоит. Тбилисское руководство не говорит о федерализации. То же самое и для Азербайджана, если иметь в виду Нагорный Карабах. Вопросы о федерации тоже не возникает. Ведь не Россия должна предлагать этот принцип. Если этот принцип возникает в Баку – это один разговор, если этот принцип возникает в Тбилиси для Абхазии, для Аджарии, для Южной Осетии – это другой разговор. Мы же не можем брать и эту формулу тиражировать. Она может быть неприемлема. А вот в Молдавии она была приемлемой. Почему? Потому что и Приднестровье, и Гагаузия, и Молдавия были в принципе согласны с так называемой асимметричной федерацией».

Но при обсуждении проблемы Нагорно-Карабахской Республики (НКР) неуниверсальная формула решений *ad hoc* дала сбой. Говоря о Карабахе, Трубников уже апеллировал к совершенно другой логике, логике прецедента, которая не зависела от готовности метрополии к федерализации и т. п.: «Не хочу это на-

зывать образцом или примером, но вы знаете, что в конечном итоге вот Восточный Тимор – воевал, воевал за свою независимость и всё-таки стал независимым... И эта независимость международно признана... я думаю, что и на проблему Нагорного Карабаха надо посмотреть с каких-то оригинальных, новых позиций, не замыкаясь на том, к чему мы давным-давно привыкли».

Пожалуй, никогда прежде (и никогда после) представитель России так определённо не разграничивал перспективы признания Карабаха и других самоопределившихся государств б.СССР. Немедленно на эту новацию Трубникова отозвался замглавы МИД Армении: «В связи с упоминанием Восточного Тимора должен сказать, что это поучительный пример признания и реализации права народов на самоопределение с целью урегулирования конфликта. Это не единственный пример: в современном мире стороны конфликтов и международное сообщество все больше и больше прибегают к применению права на самоопределение в той или иной форме для предотвращения или окончательного урегулирования существующих конфликтов. Только в течение последнего десятилетия этот вариант был избран для Восточного Тимора, Северной Ирландии, Квебека, Южного Судана, Сербии и Черногории, Пуэрто-Рико и других случаев». А председатель постоянной комиссии Национального Собрания Нагорного Карабаха по внешним сношениям Ваграм Атанесян «только приветствовал» «мнение господина Трубникова относительно целесообразности решения карабахской проблемы по сценарию Восточного Тимора». Никакого прямого продолжения эта новация не имела (если не считать её реализацией удачное подчинение Аджарии и неудачное завоевание Южной Осетии, проведённые Саакашвили), но на горизонте политической риторики вновь возник образ прецедента – теперь уже не для внешнего разрушения территориальной целостности и суверенитета, а для суверенизации путём «войны за независимость».

На иную перспективу наталкивал референдум о воссоединении Кипра (24 апреля 2004), три десятилетия расколотого на грече-

скую и турецкую части: собственно Кипр и Турецкую республику Северного Кипра (ТРСК), признанную только Турцией. Накануне референдума Турция предупредила, что в случае его провала приложит все усилия для признания ТРСК дружественными странами, а в ходе своего визита в союзническую Турцию президент Азербайджана Ильхам Алиев заявил, что Азербайджан может признать независимость Северного Кипра, если референдум окончится неудачей, а греческая часть острова самостоятельно войдёт в состав ЕС. Так Азербайджан ответил на параллели с Восточным Тимором. Наблюдатели в Баку и вне его остро почувствовали прецедентный характер этого возможного решения и начали просчитывать его последствия для самого Азербайджана.

Азербайджанский эксперт Зардушт Ализаде предупредил, что Азербайджану не следует торопиться с признанием суверенитета Северного Кипра: «Нужно подождать признания со стороны хотя бы нескольких государств. Выступать первыми было бы неосторожно, потому что это дает определенный прецедент для признания независимости Нагорного Карабаха некоторыми государствами. А если мы признаем суверенитет турок-киприотов после других, то получится, что карабахская проблема отличается от кипрской. Ведь суверенитет НКР не признала пока официально даже сама Армения». Оставляя в стороне невыгодную для Армении параллель с Турцией (признающей ТРСК), глава армянского МИД Вардан Осканян заявил, что признание ТРСК Азербайджаном «может стать довольно интересным прецедентом и, почему бы и нет, в вопросе Нагорного Карабаха»⁷.

⁷ Однако, видимо, следуя принятой в Карабахе линии на подчёркивание уникальности своего конфликта по сравнению со всеми другими, тогдашний глава МИД НКР Ашот Гулян отверг саму возможность прецедента Северного Кипра для НКР, указав на то очевидное, но явно недостаточное для правового понимания событий, обстоятельство, что в основе этих конфликтов лежат совершенно разные предьстории. Впрочем, наблюдатели не признали это противоречие между Арменией и НКР существенным и в дальнейшем ориентировались на позицию Армении.

Видимо, дружественные и недружественные толкования инициативы вокруг ТРСК заставили Азербайджан если не пересмотреть свою позицию, то, во всяком случае, изменить темп действий. Эта скорая перемена осталась незамеченной, и, когда в начале мая 2004 года азербайджанская делегация в ПАСЕ отказалась принять участие в обсуждении и голосовании по вопросу об открытии в Совете Европы представительства ТРСК, в Турции разразился скандал. Уже в Баку, на заседании азербайджанского парламента, от бессменного руководителя делегации в ПАСЕ Самеда Сеидова потребовали объяснений. Сеидов заявил, что делегация преднамеренно не участвовала в заседании, поскольку это создало бы «опасный прецедент» «признания непризнанных образований» и, в частности, «возможного признания в дальнейшем сепаратистского режима в Карабахе». Член делегации Асим Моллазаде уточнил: «Мы не хотели допустить прецедента регистрации и открытия офиса непризнанной ТРСК, потому что с таким же вопросом к СЕ уже обращались такие незаконные образования, как Нагорный Карабах, Абхазия, Приднестровье. Наличие подобного прецедента могло бы нанести серьезный ущерб позициям Азербайджана... Попытка критиковать нашу работу связана, прежде всего, с непрофессионализмом тех, кто в структурах исполнительной власти занимается не своими делами».

Можно предположить, что, несмотря на острое осознание прецедентности любых действий по даже частичной легитимации любого непризнанного государства, такой разворот дался Баку непросто. Бакинская оппозиционная газета «Азадлыг» даже нашла разногласия в правящей элите. А глава общественно-политического отдела администрации президента Азербайджана влиятельнейший Али Гасанов заявил, что в произошедшем виновен глава постпредства Азербайджана при Совете Европы, что и «глава делегации Самед Сеидов продемонстрировал равнодушие в этом вопросе». По словам Гасанова, Ильхам Алиев распорядился разобраться в вопросе, а азербайджанскому послу в Анкаре поручил дать публичное разъяснение. (В октябре 2004 года Бюро ПАСЕ, наконец, разрешило ТРСК участ-

вовать в деятельности всех органов ПАСЕ и выступать на пленарных заседаниях Ассамблеи.)

Столь редкие публичные разногласия между законодательной и исполнительной властями Азербайджана, безусловно, помогли Баку уточнить и сделать более гибкой свою тактику в отношении «прецедента ТРСК». В те же дни изменился общий фон вокруг ТРСК: начиная с мая 2004-го премьер-министра (с 2005 – президента) ТРСК Мехмета Али Талата приняли госсекретарь США Колин Пауэлл, в Совете Европы, ПАСЕ, председатель Еврокомиссии Жозе Мануэл Баррозу, глава МИД Великобритании Джек Стро. Главы МИД стран-членов Организации Исламская Конференция и саммит Организации экономического сотрудничества стран Центральной и Средней Азии повысили статус наблюдателей ТРСК с «общины» до уровня «государства». В Брюсселе было открыто представительство Турко-кипрской торговой палаты, уполномоченной сертифицировать на территории ЕС товары из ТРСК. Европарламент начал мониторинг мер Еврокомиссии по финансовой помощи и прямой торговле с ТРСК. Азербайджан открыл прямое авиационное сообщение с ТРСК, где в октябре 2005 года было открыто и фактическое представительство – Азербайджанский центр экономики, культуры и сотрудничества (представительство ТРСК действует в Баку)⁸. В связи с этим бакинская «Зеркало» делилась запоздалыми сомнениями: «Между карабахской и кипрской проблемами существует довольно немало сходств и идентичности. Несмотря на стратегический союз с Турцией, Азербайджан до сих пор избегал оказания гласной поддержки ТРСК, так как это может создать прецедент по международному признанию «непризнанных республик», к которым относится и НКР».

Прекрасно осознаваемая в Баку, но уже неостановимая прецедентность процесса легитимации ТРСК в течение 2004–2005

⁸ Подробно об этом см.: Европа, США, Турция и Азербайджан признают «непризнанную» Турецкую республику Северного Кипра // REGNUM. 20 сентября 2006 (www.regnum.ru/news/708006.html).

годов наполнялась всё большим содержанием⁹. И демонстративными поводами в этом процессе были авторы «косовского прецедента» 1999 года.

Прецедент-2005/2007: независимость

Пока шла «прецедентная легитимация» ТРСК, в январе 2005 года International Crisis Group опубликовала доклад о Косово¹⁰. Доклад рисовал трагический пейзаж: ситуация в крае становится всё более напряженной, – но отнюдь не потому, что всё жёстче и определённой становятся вытеснение и сегрегация сербского меньшинства, уничтожение памятников сербской цивилизации, а потому... что растут нетерпение и недовольство косоваров неопределенностью статуса Косово. Авторы доклада предположили, что Сербия, Россия и Совет Безопасности ООН не пойдут на признание независимости Косово, но однако подчеркнули, что это сопротивление не должно останавливать процесс предоставления независимости, реализуемой усилиями США и ЕС. Именно так, как «предложила» International Crisis Group, и было сделано впоследствии: сначала ответственные лица США и ЕС вдруг забеспокоились о «нетерпении» косоваров, грозящем нестабильностью, затем объявили неизбежной независимость Косово и вот – сами начали её строить.

Такой сценарий развития событий уже в январе 2005 года был очевиден всем, кто слыхал сочинения International Crisis Group с

⁹ Вопрос легитимации ТРСК настолько принципиален для Азербайджана, что ради неё он легко жертвует традиционной солидарностью с Грузией: буквально в те же дни ноября 2007 года, когда Саакашвили рассказал об «обещании» Владимира Путина «устроить из Абхазии второй Кипр» и осветил историю ТРСК, президент Азербайджана Ильхам Алиев принял в Баку прибывшего туда с официальным визитом президента ТРСК Мехмета Али Талата.

¹⁰ Crisis Group за независимость Косово и против независимости Южной Осетии, Абхазии, Карабаха // REGNUM. 17 августа 2005 (www.regnum.ru/news/498802.html).

действиями США¹¹. Особенно внимательно это делалось в России.

В феврале 2005 года российское ИА REGNUM, известное своим пристрастием к описанию постсоветской реальности (включаяющей в себя и реальность Приднестровья, Абхазии, Южной Осетии и Нагорного Карабаха), открыло информационный сюжет, в котором были закреплены и названный сценарий, и формула его применения на территории бывш. СССР – «Косовский прецедент» и борьба за независимость непризнанных государств». С тех пор на протяжении 2005, 2006 и 2007 годов сюжет пополнили около 800 текстов, получивших миллионную аудиторию. Эксперт Виктор Якубян даже как-то отметил, что «“косовский прецедент” – продукт русской политической мысли... Прецедент должен сработать в любом случае... Прецедент будет создан самим Западом, хотя там того или нет. А там, судя по всему, хотят. Но, естественно, хотят обратить его исключительно в свою пользу...»

Тем временем в оккупированном США Ираке состоялись выборы, принесшие победу курдам и Иракскому Курдистану как фактически неподконтрольной центральным властям части территории, по реальному объёму полномочий находящейся с Багдадом в максимум конфедеративных отношениях. Эксперты в Армении вновь подняли вопрос о применимости подобных образцов суверенизации «по-американски» к проблеме НКР, а в Баку вновь заметили «опасные параллели в урегулировании конфликтов в Косово и Карабахе».

В этом контексте вновь, как и много раз прежде и не раз впоследствии, преобладающее мнение армянских аналитиков свелось к утверждению «уникальности» карабахского конфликта для постсоветского пространства, его принципиальному отличию от конфликтов (и перспектив признания) в Приднестровье, Абхазии и Южной Осетии. Курдистанский контекст заставил сфокусироваться не на риторике этих аналитиков о том, что

¹¹ План США для Косово: независимость, ООН, НАТО, репарации с Сербии // REGNUM. 30 декабря 2005 (www.regnum.ru/news/568380.html).

НКР, в отличие от её постсоветских коллег, и более «состоявшееся», и более «демократичное» государство, а сличить действительно коренные отличия. Стало ясно, что главные отличия – в отсутствии России в экономической, политической и военной (но не дипломатической) жизни НКР и, напротив, прямое присутствие официальной, государственной ежегодной экономической помощи НКР из Соединённых Штатов.

За указанием на «уникальность» стояло, конечно, не желание «ручной настройки» урегулирования конфликта (она всё-таки потребовала бы, как минимум, военно-политического присутствия США в Карабахе), а желание не ставить перспективы собственного признания в зависимость от судьбы других самоопределившихся государств бывш. СССР, единственным и реальным гарантом неистребления которых сегодня остаётся Россия.

Современные Косово и Курдистан с самого начала были предметами американских case studies¹², а не объектами равного для всех права, столь дорогого для англосаксонского «прецедентного права», оставленного англосаксонской цивилизацией исключительно для внутреннего употребления. И потому здесь, где применялся иной, внешний стандарт, велико было искушение стать таким же case study, и тем самым, наверное, укрепить перспективу признания, но как-нибудь избежать неизбежно сопутствующего этому вмешательства. Ибо очевидный для всех прецедентный характер вмешательства США не оставлял никаких сомнений, что главной гарантией, целью и ценностью США в таком случае является только их тотальный контроль над фигурой на «шахматной доске». Эксперт Якубян: «Последние 15 лет показали, что международное право из «прецедентного» окончательно превратилось в «ситуационное», то есть прецеденты толкуются исключительно в зависимости от того, как и в чью пользу складывается конкретная ситуация в конкретном проблемном районе».

¹² Юрий Набиев: Перспективы курдской государственности // REGNUM. 2 апреля 2006 (www.regnum.ru/news/616672.html).

Летом 2005 года посол Армении в США Татул Маргарян выступил с формулой, призванной философски обосновать, почему «косовский прецедент» применим в зоне контроля США и неприменим у границ России: «Опасения некоторых представителей мирового сообщества относительно того, что признание суверенитета Косово может создать прецедент принятия равнозначных решений и в остальных случаях, в частности, в случае нагорно-карабахского конфликта, считаю преувеличением... мировое сообщество признаёт отличие карабахского конфликта от других конфликтов на территории бывшего СССР... независимость Косово окажет свое воздействие на процессы урегулирования других конфликтов, однако мировое сообщество принимает соответствующие решения, руководствуясь особенностями каждого конкретного случая. Кроме того, в истории уже есть примеры применения мировым сообществом при урегулировании или предупреждении конфликтов в той или иной форме принципа права на самоопределение. Независимо от результата, только за последнее десятилетие этот вариант был использован в Восточном Тиморе, Северной Ирландии, Квебеке, Южном Судане, Пуэрто-Рико, Сербии и Черногории и др.» Видимо, не только предупредительность в отношении Китая помешала автору формулы поставить в этот ряд Макао, Гонконг и Тайвань. Тогда же советник министра обороны Армении Гайк Котанджян обратил внимание на предложение председателя парламентской ассамблеи НАТО Пьера Лелюша, известного своей крайне радикальной антироссийской риторикой, о целесообразности проведения под эгидой ООН и ОБСЕ дополнительного референдума по самоопределению Нагорного Карабаха с учетом прецедента в Косово.

Умственная операция по отделению «косовского прецедента» от «обременённых российскими интересами» Абхазии, Южной Осетии и Приднестровья казалась успешной. И в конце 2005 года в Женеве, на международной конференции экспертов из непризнанных государств, тогдашний замминистра иностранных дел НКР Масис Маилян сказал: «Действительно, пример Косово может стать прецедентом для признания Нагорно-

Карабахской Республики». Может быть, это балансирование на грани кавказской солидарности и избирательного Рах Americana и стало бы приобретением теперь уже кавказской политической мысли. Но упаковывавшая «косовский прецедент» риторика «демократических стандартов», «стандартов прежде статуса», скрывавшая контролируемый путь Косово к независимости – независимо от тех самых «стандартов», из-за нарушения и ради которых якобы и была предпринята агрессия против Югославии... риторика «стандартов», прикрывавшая оккупацию и отчленение Косово, наконец была отброшена.

В ноябре 2005 года Совет Безопасности ООН в руководящих принципах косовского урегулирования наконец «отвязал» вопрос о соответствии Косово демократическим стандартам от вопроса об определении его статуса. Спецпредставителем в Косово стал Ахтисаари. В повестку дня вошла задача срочного решения проблемы статуса, а рамки статуса уже не содержали прямой привязки к территориальной целостности Сербии и вообще не упоминали о ней. 17 ноября 2005 года парламент Косово обязал своих переговорщиков исходить исключительно из не обсуждаемого принципа независимости. Запад не протестовал.

Прецедент агрессии 1999 года, созревавший все эти годы в процессе легитимации результатов оккупации, подошёл к своему финалу. Контроль, «ручная настройка», «внешнее управление» стали фактом. Но ловушка захлопнулась.

30 января 2006 года на совещании с членами правительства России Владимир Путин дал публичную инструкцию министру иностранных дел по статусу Косово:

«В. Путин: ...Это чрезвычайно важный вопрос для нас не только с точки зрения соблюдения принципов международного права, но и исходя из практических интересов постсоветского пространства. Все варианты предложенных решений... должны иметь универсальный характер. Для постсоветского пространства это очень важно. У нас, к сожалению, еще не все конфликты разрешены на постсоветском пространстве, и мы не можем ид-

ти по пути, согласно которому в одном месте будем применять одни принципы, а в другом – другие.

С. Лавров: Обязательно будем это делать, тем более что в ходе подготовительной работы некоторые наши партнеры по Контактной группе пытаются записать в документы этой группы тезис о том, что Косово – это уникальный случай и не создает прецедентов.

В. Путин: Уникальные для того, кто хочет обойти общие принципы международного права. Эту «уникальность» мы уже видим на протяжении последних лет в отдельных регионах мира. И к чему ведет эта «уникальность», все хорошо понимаем.»

На следующий день, 31 января 2006, на пресс-конференции для российских и иностранных журналистов, отвечая на вопрос грузинской телекомпании «Мзе» («Вы вчера заявили, что решение косовского вопроса должно носить универсальный характер. А означает ли это, что в случае признания Косово Россия поддержит такого же рода решения в отношении всех замороженных конфликтов на постсоветском пространстве, в том числе абхазского и южноосетинского?») Путин развил свою мысль: «Если кто-то считает, что Косово можно предоставить полную государственную независимость, то тогда почему мы должны отказывать в этом абхазам или южноосетинам. Я сейчас не говорю о том, как будет действовать Россия. Но мы знаем, например, что Турция признала Республику Северный Кипр. Я не хочу сказать, что и Россия тут же немедленно признает Абхазию или Южную Осетию в качестве независимых и самостоятельных государств, но такие прецеденты в международной жизни есть... нужны общепризнанные, универсальные принципы решения этих проблем».

Сербский эксперт Мирослав Йованович писал об этом: «Более чем очевидно, что Россия не согласится на то, чтобы способ решения и само решение проблемы Косово были объявлены единственным и исключительным в международной практике случаем. А это, в свою очередь, рано или поздно, создало бы необходимые условия для использования подобного преце-

дента в процессе провозглашения независимости других спорных территорий, в частности, на просторах бывшего СССР, в чем Россия весьма заинтересована... Если принять все это во внимание, то возникает справедливый вопрос, имеет ли Россия что-нибудь против самой независимости Косово как таковой. Учитывая выступления высоких российских политиков, складывается впечатление, что нет. Россия только настаивает на достижении договоренности Белграда и Приштины, на уважении к происходящему и на тезисе, что таким образом обретенная независимость является прецедентом в международной практике»¹³.

С тех пор позиция России в отношении «косовского прецедента» ни на йоту не изменилась, а иностранные исследователи русской политической мысли, по-видимому, оказались не готовы к, в общем-то, очевидному применению «прецедентного права» не только на территории Pax Americana. Последовавшие комментарии продемонстрировали серьёзный кризис того «молчаливого консенсуса» вокруг Косово, когда взаимная ложь о территориальной целостности Сербии и «стандартах» лишь прикрывала неуклонную реализацию плана, озвученного International Crisis Group.

В новых обстоятельствах советник министра обороны Армении Гайк Котанджян предпочёл вернуться назад, в то время, когда неумолимую логику суверенизации Косово ещё можно было упаковать в «незавершенность процесса косовского урегулирования», и призвал «пока воздержаться от суждений о границах применения «косовского прецедента» при разрешении Карабахского конфликта. Хотя заявление президента России Владимира Путина, безусловно, заслуживает самого пристального внимания. Неоспоримо то, что для определения меры прецедентности косовского урегулирования полезен непредвзятый сравнительный анализ обоих конфликтов... Проводя политико-

¹³ См. об этом: Мирослав Йованович: «Русское вето»: сербская политика между желаемым и реальным // REGNUM. 10 апреля 2007 (www.regnum.ru/news/810621.html).

правовые и исторические параллели между Косовским и Карабахским конфликтами... можно с некоторыми оговорками утверждать, что Косово, Албания и Сербия в схематическом сопоставлении, в своих общих характеристиках могут быть соотнесены соответственно с Карабахом, Арменией и Азербайджаном». Котанджян стал, наверное, первым государственным служащим высокого ранга, кто в позитивном ключе сравнил идеологию объединения Армении и Карабаха с неоднократно раскритикованным и прямо запрещённым кураторами Косово проектом объединения Албании и Косово¹⁴. Впрочем, это сравнение имеет под собой самые существенные обстоятельства: идеология ирредентизма, то есть освобождения и объединения близких или идентичных этносов в рамках одного государства, не исчерпалась с объединением Германии. Это по-прежнему живо и в отношении Венгрии к румынской Трансильвании, и в отношении самой Румынии к Молдавии, и в отношении Северной Осетии к Южной, и в отношении Азербайджана к Иранскому Азербайджану.

Интеллектуальный кризис сторонников косовской «беспрецедентности» толкал их всё глубже в публичные противоречия. Традиционно развесистая и одновременно неуязвимая в своей герметичности риторика авторов косовского проекта умерла. Она уступила место редкостным по примитивности рассуждениям евроатлантических чиновников, политиков, экспертов¹⁵, в

¹⁴ Следует отметить, что вскоре армянская сторона оставила колебания: «Мы рассчитываем на международный прецедент отделения, подобного нашему: официальное отделение Косово от Сербии...», – заявил в ноябре 2006 года президент НКР Аркадий Гукасян и позже, в июле 2007-го: «Если независимость Косово будет признана, возникнет вопрос, почему не должна быть признана независимость Карабаха».

¹⁵ Один из них, российский историк Артем Улунян, подвергая сомнению «прецедентность», с присущим ему апломбом обнажил свою дремучую некомпетентность. «Есть один крайне важный, с моей точки зрения, аспект, – говорит он, – в Косово нет иностранных граждан. Там живут граждане Косово, имеющие старые югославские паспорта и документы ооновской миссии. Что же касается территорий, к которым сегодня принято примерять этот прецедент, то, за исключением Карабаха, там живут по паспортам иностранного государства, в данном случае России. Участие международного сообщества в косов-

иные дни успешно апеллирующих к равенству прав и равенству перед законом, – об «уникальности» косовского казуса, о том, что все конфликты имеют свою историю, и т. п.

Кто бы спорил: люди тоже все разные, но имеют равные права. Историческое событие тоже есть уникальный результат комбинации факторов, но всё случившееся в истории – уже прецедент. Даже столь привечаемая на Западе русофобия «новых демократий» Восточной Европы отталкивается именно от (недобросовестных, но принимаемых) ссылок на исторический опыт русского, или коммунистического, империализма, то есть на прецеденты, моральные страдания от которых смогут немного уменьшить, наверное, лишь требования контрибуции от современной России. Этот взбесившийся прецедент восточно-европейских националистов нисколько не умиротворяется их же собственными, но идентично исполненными под диктовку «большого брата», суждениями о «беспрецедентности» Косово. Хотелось бы посмотреть, как они будут объяснять евреям «беспрецедентность» Холокоста лишь потому, что он кем-то толкуется не как геноцид, родовая характеристика нацизма, а как уникальное следствие детских травм Гитлера. Вся борьба с фашизмом – это борьба против последствий его прецедента, самой возможности его повторений, теперь, после Холокоста, обоснованно заставляющего находить в любой игре с фашизмом – Освенцим. Отнюдь не случайно именно те, кто твердят об «уникальности» Косово, упорно не хотят видеть возрождённого государственного ультранационализма, неонацизма и расизма в Восточной Европе, Героя современной Украины гитлеровца Шухевича.

Совсем недавно вступив в хор борцов против прецедента и ещё неловко борясь с противоречиями, официальная Украина неловко обнажает и существенные противоречия в идеологиях

ской ситуации, с моей точки зрения, не позволяет говорить о принципе прецедентности». Улуныану будет интересно узнать о массовом (параллельно с российским или иным) приднестровском гражданстве, о десятках тысяч абхазских граждан в Абхазии и гражданах Южной Осетии, составляющих абсолютное большинство в своей республике.

косовского проекта и другого трансатлантического проекта – организации ГУАМ (Грузия, Украина, Азербайджан, Молдавия). Если в отношении Косово Украине рекомендовано без затей утверждать «уникальность», то в пространстве ГУАМ, то есть как раз в ландшафте потенциальных наследников универсального прецедента, Украина принуждена быть изобретательной (быть гарантом приднестровского урегулирования, претендовать на направление своих миротворцев в Абхазию, поставлять вооружение) – и, страшно сказать, создавать прецедентные механизмы в отношении конфликтов. Получается абсурд. В одни и те же дни ноября 2007 года: министр иностранных дел Украины Арсений Яценюк твердил, что дело Косово уникально и неприменимо в других конфликтах, а его заместитель Андрей Веселовский от имени МИД заявлял, что «механизмы разрешения конфликта в Приднестровье могут стать примером для других непризнанных республик – Южной Осетии, Абхазии и Нагорного Карабаха». Логика рушится, если когда и была.

Crisis Group и её последователи так аргументировали невероятную срочность и уникальность косовской независимости: нужна стабильность, а нетерпение косоваров вот-вот её нарушит: значит, надо немедленно удовлетворить требования косоваров, тем более что они априори признаны справедливыми. Итак, стабильность? А кто угрожает ей, так или иначе воссозданной, в Приднестровье, Абхазии, Южной Осетии? Разве не Молдавия? Не стремительно на деньги Запада оснащающая себя наступательной инфраструктурой и профессиональными боевиками Грузия? Нетерпение? Но косовары «терпят» свою фактическую независимость всего 8 лет, в то время как терпение абхазов, осетин и приднестровцев – уже приближается к двум десяткам лет. Ожесточённость бывшего конфликта? Вот глава миссии ОБСЕ в Молдавии Уильям Хилл заявил, что ситуация в Приднестровье «абсолютно несравнима с тем, что происходило и происходит в Косово... нет такой этнической и религиозной враждебности, которая есть в Косово. В Молдавии значительно легче достичь урегулирования. Поэтому не нужно будет принимать такие меры, как в Косово». А разве не крайнее,

многократно задокументированное ожесточение и преступления против человечности продемонстрировали румынские националисты во время неспровоцированной агрессии в Приднестровье, грузинские националисты – в Абхазии и Южной Осетии? И если представитель ОБСЕ утверждает, что «такие меры, как в Косово» продиктованы ожесточением между сторонами конфликта, то, следуя его логике, не следует ли непризнанным государствам бывш. СССР форсировать ожесточение ради достижения независимости? Однако и Приднестровье, и Абхазия, и Южная Осетия, в отличие от Косово, – действующие мультиэтнические государства. И на эскалацию и возобновление конфликта идут не они, а Грузия, уверенная, что эта эскалация не будет поставлена ей в вину с «косовской» жёсткостью. И никакой Ахтисаари не скажет ей, что «грузины виноваты как народ», и никакой Буш не предопределит, что «независимость Южной Осетии неизбежна».

Государственный советник президента Южной Осетии Константин Кочиев дал исчерпывающее описание ситуации: «Западные посредники... всячески пытаются утвердить тезис об уникальности косовской ситуации во всяком случае, что Косово ни в коем случае не может даже рассматриваться как прецедент, имея в виду давно самоопределившиеся, но до сих пор не получившие международного признания четыре республики на постсоветском пространстве – Южную Осетию, Абхазию, Приднестровье и Нагорный Карабах. Тезис об уникальности в понимании Запада преломляется как правомерность применения двойных стандартов, которые допускают признание независимости Косово, но не должны подавать никаких надежд Южной Осетии, Абхазии или Приднестровью. Для объяснения этого подхода изобретаются самые причудливые и странные аргументы. Все эти аргументы лежат вне правовой плоскости, вроде того, что уровень взаимной неприязни между сербами и албанцами настолько высок, что о совместной жизни не может быть и речи, тогда как по отношению к Южной Осетии те же люди исходят из принципа «стерпится – слюбится». Получается, что осетинам, исходя из такой логики, следовало устраивать этни-

ческие чистки и брать курс на строительство моноэтнического государства?... «Уникальность» критерием быть не может по определению... Прецедент возникнет неизбежно; запреты даже думать об этом никого не остановят, сработают те же архетипы сознания, которые легли в основу англосаксонской модели прецедентного права, восходящего к древним варварским правдам. Весьма странно, кстати, что толкуют об уникальности Косово в плане возможности его признания именно представители англосаксонской правовой культуры, которые с молоком матери впитывают соответствующее правосознание, основанное на прецедентах»¹⁶.

Итак, созданный Соединёнными Штатами статус Косово прецедентен, как прецедентно любое историческое событие, и универсален, как универсально любое правовое решение. Его масштабное влияние неизбежно. Любое решение судьбы реально существующего Косово – ловушка для Запада, потому что не только вся история легитимации Косово, но и любой будущий официальный статус Косово для постсоветского пространства, как и для всех, кто ищет себя на пути независимости, – перспектива, несовместимая с единством метрополий. На деле – это такой масштаб официальных полномочий и прав, которые, будучи в истекшие годы реализованными лишь неофициально, уже разрушили Молдавию, Грузию и Азербайджан. Теперь, как отметил один молдавский интернет-журнал, как бы ни был решён приднестровский (косовский, абхазский, осетинский, карабахский) вопрос, прежней Молдавии (Сербии, Грузии, Азербайджана) уже не будет никогда.

Ноябрь 2007

¹⁶ Неправовой и несправедливый смысл «уникальности» очевиден, конечно, и для сербов. Весной 2007 года премьер-министр Сербии Воислав Коштуница подчеркнул: «Сербия не может быть исключением из правил. На это представители некоторых европейских стран заявили, что случай Косово – уникален. Любая страна – уникальна, но правила и законы, применяемые к уникальным странам, должны быть универсальными».

«Ближнее зарубежье» новой России и «задний двор» США

Что-то случилось. На территории бывшего СССР, состоявшей последние двадцать лет на принудительном карантине, «больных» становится меньше, но «врачей» – всё больше. Россия выздоравливает, но именно её хочет «сдерживать»... «санитарный кордон»... «ближнего зарубежья»: и врачами над ней поставлены постсоветские пациенты. Их собственные истории болезни едва исследованы, у каждого по-прежнему фантомные боли и галлюцинации. Но наука бессильна. Приезжий ревизор мечется: став заложником своих практикующих пациентов, он торопится придать хоть какой-нибудь смысл своему карантину, пока его выпускники не передрались между собой.

В 1990-е годы карантин должен был предотвратить ядерную катастрофу, поставив советский ядерный потенциал под внешний контроль, но теперь, в годы 2000-е, он претендует остановить выздоровление России, поставив саму её географию под контроль новых национальных государств, ставших транзитными инструментами «сдерживания России». На смену цивилизаторской риторике и её орудиям («экспорт демократии», «гуманитарная агрессия») приходят антирусский национализм и его новые лица («историческая политика», «покаяние русских за наш коммунизм»), в которых уже мало что осталось от европейских ценностей и всё больше фашизма. И прикладное сопротивление России «гуманитарной агрессии» превращается в историческую борьбу против параноидального национал-

социализма. В этом – наша историческая связь с борьбой СССР и союзников против Гитлера и его сателлитов; в этом – исторический тупик наших бывших союзников, вынужденных бессильно смотреть на реабилитацию гитлеровцев в Центральной и Восточной Европе.

Антигитлеровские союзники СССР сначала создали новой России её новое «ближнее зарубежье», а затем населили его гитлеровскими сателлитами. Зачем?

* * *

Почему современная Литва так неожиданно активна на территории бывшего СССР? Исходя только лишь из её собственных экономико-политического потенциала или интересов, нельзя объяснить её «посредническую активность», например, на Украине 2004-го или в Грузии 2008-го – в дни, когда клан евроатлантистов там либо шёл к власти, либо защищал свою власть. Консультативная деятельность Литвы в отношении её мифического «соседа» Грузии – как бы нас ни уверяли в обратном, – отнюдь не похожа на её собственную инициативу. Она целиком уместается в практику использования стран Прибалтики Соединёнными Штатами, Европейским Союзом и НАТО в качестве инструмента евроатлантического поглощения Закавказья¹⁷ как своего нового «ближнего зарубежья», своего «нового соседства», «расширенной Европы»¹⁸ или «3+3»¹⁹.

¹⁷ А также остальных стран бывшего СССР. В противоположность этому, в современной государственной практике России страны Прибалтики и СНГ ведомственно почти абсолютно разделены.

¹⁸ О применении ряда псевдонимов, аналогичных EU's Near Abroad (virtual enlargement of EU – New Neighbourhood – Wider Europe), к Закавказью см. речь замминистра иностранных дел Армении, экс-посла Армении в США Рубена Шугаряна в Мичиганском университете (Детройт) 22 октября 2004 года: Rouben Shugarian. From the Near Abroad to the New Neighborhood... The South Caucasus on the Way to Europe. A few Connotations of the Black Sea

Но вот в отношении Украины мотивы Литвы переплетаются с её собственными фантомами. Эти фантомы носят идеологический и исторический характер. Литва как сердце средневекового Великого княжества Литовского (ВКЛ), где собственно литовские земли занимали одну десятую часть, а остальные были восточно-славянскими, наравне с Москвой стала центром государственной консолидации восточного славянства в XIV–XVI веках, объединяя территории от Балтики до горловины Чёрного моря (между Днепром и Днестром), от Гродно до Ржева и Тулы. И даже простые современные русские учебники отдают должное государственной, языковой и религиозной терпимости ВКЛ. Но всё это было принесено на алтарь объединённой польско-литовской Речи Посполитой, доведя уже не только «внутренние» литовские, но и «внешние» польские претензии

Context // www.armeniaforeignministry.am/speeches/041022_shugarian_michigan.html

¹⁹ В ответ на предложенную Ираном региональную схему «3+3» (Россия, Иран, Турция + Азербайджан, Грузия, Армения) в 2003–2006 годах евроструктуры, ведомые администрацией Дж. Буша-младшего, предприняли попытку выстроить ещё более умозрительный – свой трансрегиональный проект «3+3» (Литва, Латвия, Эстония + Грузия, Армения, Азербайджан), но он (так же как и другая «инициатива» Литвы – «вильнюсская десятка») провалился. Слишком непреодолимы и неожиданны оказались для его авторов взаимная ревность прибалтийских стран и, главное, глубина противоречий между Арменией и Азербайджаном, перед лицом которых даже показное единство прибалтийской тройки было неуместным. С тех пор прибалтийские страны по очереди, в индивидуальном порядке, но синхронно, по единому и типовому плану, выполняют роль евроатлантических «тьюторов» в отношении стран Закавказья – на формально двухсторонней основе. См. об этом: Виктор Ольжич: Геополитические претензии Литвы: механизм и истоки нового вызова России // REGNUM. 4 октября 2003 (www.regnum.ru/news/164051.html); Армения об интересах Литвы на Южном Кавказе: интервью замминистра иностранных дел Армении Рубена Шугаряна // REGNUM. 29 сентября 2003 (www.regnum.ru/news/161275.html); Прибалтийско-Южнокавказскому «3+3» помешала болезнь Гейдара Алиева: интервью посла Литвы в Армении Римантаса Шидлаускаса // REGNUM. 29 мая 2004 (www.regnum.ru/news/269049.html); Прибалтика + Южный Кавказ: Саакашвили уверен, Кочарян колеблется // REGNUM. 22 октября 2004 (www.regnum.ru/news/347243.html); Ольжич В.: Геополитика Вильнюса: почему Литва соглашается с лидерством Украины в регионе? // REGNUM. 6 сентября 2005 (www.regnum.ru/news/508221.html).

до Чёрного моря и Москвы, от которых Речь Посполитая отказалась, только утратив свою государственность.

Неслучайно именно Польша и Литва, апеллируя к своим фантомам, так навязчиво стремились стать «адвокатами» Украины в Европе, пока Украина не выработала прямых связей с Брюсселем и Вашингтоном. Современная Польша ещё более активна на территории бывшего СССР, чем Литва. Отнюдь не только потому, что до сих пор помнит себя жертвой Российской империи и СССР, лишивших её (формальной или фактической) независимости (об участии в этих разделах и аннексиях Пруссии, Австрии, Германии говорить не принято много), но и потому, что самой Польше хорошо знакомы имперский опыт, постимперское «чувство ответственности» за соседей, собственное понимание «ближнего зарубежья», «ответственность» за поляков бывшего СССР, с марта 2008 года получивших в Польше значительные льготы – потому, что, как подчёркивает нынешний президент Польши Лех Качиньски, они «в результате послевоенного сдвига границ на запад – оказались за рубежами родины». Подчёркивает и объясняет: «Часть моей семьи происходила с территории бывших восточных рубежей Польши (пол.: «dawnych kresów Rzeczypospolitej»; бел.: «даўніх польскіх Крэсаў»; укр.: «колишніх східних окраїн Речі Посполитої»; лит.: «buvo Lenkijos²⁰ pasienio». – М. К.), и поэтому судьба соотечественников на востоке – тех, кто никогда не отрекался от своей родины, но кто из-за изменения границ перестал быть ее гражданином, – мне особенно близка»²¹.

Если северо-западные, немецкие границы были традиционной целью национального освобождения, то на свои литовские, белорусские и украинские пределы Польша прямо смотрела и смотрит как на утраченные в вековой борьбе с Россией и СССР

²⁰ Примечательно, что в этом экспортном варианте для Литвы даже исторически общая для неё и Польши Речь Посполитая – бескомпромиссно и монополюно именуется «Польшей».

²¹ «Карта поляка»: www.poland.gov.pl/Karta,Polaka,2532.html. Здесь же опубликованы официальные переводы польского оригинала на русский, белорусский, украинский и литовский языки.

колонии, «имперские» территории, в которых господство польской метрополии имело этническое, политическое, классовое, культурное и экономическое измерения. Если длить популярную сегодня аналогию, то для Польши Литва, и особенно её столичный Виленский край, – это уже 70 лет как утраченное Косово, часть государственной ойкумены – польско-литовской Речи Посполитой, где лежит сердце последнего польского абсолютного вождя Юзефа Пилсудского. Неудачливый соперник Польши в советско-польской войне 1920 года, Лев Троцкий хорошо чувствовал, что в основе начатой поляками войны лежало и их желание присоединить Киев (бывший частью Речи Посполитой не более чем до 1654 года), и внятное представление о своей цивилизаторской миссии: «Пилсудский воюет не только за земли польских магнатов на Украине и в Белоруссии, не только за капиталистическую собственность и католическую церковь, но и за парламентарную демократию, за эволюционный социализм»²².

Итак, в видимом из России фундаменте современной польской идентичности лежат: (1) традиционный культурно-исторический мессианизм по отношению к «диким сарматам»; (2) государственная идеология, построенная на исторических претензиях к соседям («историческая политика», возвращённая Адамом Михником в оборот и по неразумию подхваченная на Украине); (3) философия мягкого империализма, твёрдо выраженного в имени «кресы» (kresy, окраины)²³, под которым польская традиция понимает Литву, Белоруссию и Украину (на востоке), воссоединённую часть немецкой Польши (на севере и западе). Само сравнение восточных и западных «кресов» одно-

²² Л.Д.Троцкий. Терроризм и коммунизм (29 мая 1920).

²³ Несмотря на понятный аналог в русском языке *na Kresach* – на Украине, нейтральный перевод – именно «окраины». *Kresy Wschodnie* (восточные окраины) включали в себя литовские и славянские земли до Риги, Ржева, Гомеля и южнее – границы Дикого поля, выход к Чёрному морю между Днепром и Днестром; *Kresy Zachodnie* (окраины западные) – Гданьское Поморье, Горную Силезию и др. – сегодня входящие в состав Польши. См.: Stanisław Kolanowski. *Kresy Wschodnie // Nieruchomości* С.Н. Beck: Prawo. Podatki. Praktyka. 2006. Numer 9 (www.nieruchomosci.beck.pl/index.php?mod=m_artykuly&cid=16&id=1004).

значно говорит о том, что «восточные окраины» понимаются как «недовоссоединённые» земли Польши²⁴. В этом контексте красноречиво звучит эпизод переговоров министра иностранных дел Польши Юзефа Бека с Гитлером в январе 1939 года, когда одним из условий своего вступления в антисоветский союз с Германией Польша назвала приобретение Украины и выхода к Чёрному морю. Бек разъяснил Гитлеру: «“Украина” — это польское слово и означает “восточные пограничные земли”. Этим словом поляки вот уже на протяжении десятилетий обозначали земли, расположенные к востоку от их территории, вдоль Днепра»²⁵. Создаётся впечатление, что и сегодня именно бывшие польские «кресы», а не сама Россия, остаются в центре внимания российской политики Польши²⁶.

Один из недавних руководителей МИД Польши (2000–2001) историк Владислав Бартошевский адресовал России вполне откровенное пожелание: «Существует некий общий знаменатель: понимание стремлений соседа... На обогащение содержания

²⁴ Нельзя сказать, что такое использование имени «окраин» специфически польское. Например, московское издательство «Новое литературное обозрение» включило в проект своей серии «Окраины Российской империи» описание не только Польши, Украины, но и Северного Кавказа, Сибири. Понятно, что такое уподобление внутренних национальных или географических регионов России независимым государствам питается сугубо политическим пафосом, но противоположным польскому: а именно пафосом утверждения не былого единства, а дальнейшего раскола страны.

²⁵ Год кризиса: 1938–1939: документы и материалы: в 2 т. / МИД СССР. М., 1990 (документ 102).

²⁶ В официальном представительском издании МИД Польши и Национальной библиотеки Польши – ежедневнике «2008: A Commonwealth of Diverse Cultures: Poland's Heritage / Rzeczpospolita wielu kultur: Dziedzictwo polskie» («2008: Содружество многих культур: польское наследие») проведена прямая аналогия между традиционно переводимой как «республика» Rzeczpospolita (здесь же этот перевод используется в применении к полному названию МИД Польши) и его постимперским толкованием в качестве «содружества». Издания составлено из культурных «коллекций» (источников) польского содружества: итальянской, немецкой, французской, литовской, армянской, еврейской, исламской. Однако «кириллическая коллекция» (белорусской, украинской, русской культур) «денационализована» и демонстративно названа по территориальному признаку: «коллекция восточных окраин (kresów)».

наших отношений должно влиять беспристрастное, рациональное толкование... факта образования в непосредственном соседстве с Польшей новых государств: Беларуси, Украины и Литвы. Их независимость является неотъемлемой частью политического ландшафта Европы»²⁷. Очевидно, что историк-дипломат не столько удерживает Россию от отрицания независимости названных стран (что выглядит просто глупым подозрением), сколько обозначает особую роль Польши в качестве главного гаранта независимости и покровителя её бывших «кресов» (что выглядит постимперским экспансионизмом). Надо признать, что Бартошевский был очень прогрессивен, ибо его непосредственный предшественник во главе МИД Польши (1998–2000) историк Бронислав Геремек не ограничивал территорию польской миссии «кресами». Он говорил: «Если Польша хочет выполнить свою роль и быть полезной для мира и Европы, она должна заботиться об определенном уровне знаний о России». Удивительно: одно дело, когда национальные политики предлагают России себя (Латвию, Украину, даже Эстонию) в качестве «моста» между нею и Западом. Но как географически объяснить предложения «моста» между Россией и Западом, звучащие со стороны, например, Литвы или Польши (или Молдавии) – непонятно. Непонятно, если не замечать, что посреднические функции традиционно понимаются ими как функции оценки и надзора. Их нерастраченное «бремя белого человека» ищет себе применения.

Идеолог современной российской власти, более чем многие испытывающей на себе акты такого миссионерства, свидетельствует: «Рассказы о том, что нынешнее беспрецедентное давление на Россию вызвано недостатками нашей демократии – вздор, глупость. Гораздо умнее разглядеть за этими разговорами иные причины и цели – контроль над природными ресурсами России через ослабление ее государственных институтов, обороноспособности и самостоятельности. Но и это будет некоторым упрощением. Вот что пишет современный исследова-

²⁷ Владыслав Бартошевски. Польско-российские отношения (взгляд из Варшавы) // Современная Европа. Апрель – июнь 2001. Вып. 2.

тель проблем идентичности Ивэр Нойманн: “Безотносительно к тому, какие социальные практики приобретали важность в тот или иной период (религиозные, телесные, интеллектуальные, социальные, военные, политические, экономические или какие-то иные [добавим от себя – демократические]), Россия неизменно рассматривается [Западом] как аномалия”. И добавляет: “Поскольку исключение – это необходимая составляющая интеграции, возникает соблазн подчеркивать инаковость России ради интеграции европейского я”. Все, что мы сейчас видим в реальной политике, все эти расширенные НАТО, средства ПРО, которые надо обязательно размещать, это, конечно, во многом сделано для консолидации Западной и Центральной Европы вокруг одного, кстати, внеевропейского, центра. А для этого нужен миф о каком-то неблагонадежном элементе на окраине, о варварах, которые ходят вдоль границы и издали помахивают своими азиатскими кулаками»²⁸.

Примечательно, что именно «новая Европа», оснащённая всеми своими советскими комплексами, становится обоюдоострым орудием евроатлантической консолидации: и на Запад, и на Восток. Не удовлетворившись локальной задачей приведения стран Закавказья к евроатлантическим стандартам²⁹, Литва стала соперничать с Польшей на вразумлении постсоветского пространства и России в целом. Апогеем этих претензий стали мероприятия мая 2006 года в Вильнюсе, посвящённые «единому видению общего соседства», в которых приняли участие первые лица Литвы, Латвии, Эстонии, Польши, Украины, Молдавии, Болгарии, Румынии, Армении, Грузии, Азербайджана, вице-президент США Дик Чейни и верховный представитель ЕС по внешней политике и политике безопасности Хавьер Солана, то есть все европейские республики бывшего СССР (в том числе –

²⁸ Владислав Сурков. Русская политическая культура. Взгляд из утопии (июнь 2007).

²⁹ В феврале 2005 года на организованной США и МИД Литвы конференции стран «3 + 3» глава МИД Литвы Антанас Валёнис прямо признал, что адресуется к Закавказью не по собственной инициативе, а вместе «с Европой и американскими партнёрами».

остро враждующие), страны, ожидавшие вступления в ЕС (Болгария и Румыния), и их кураторы. Хотя официально Вильнюсские сборы были посвящены внутренним делам их участников – умозрительному «региональному сотрудничеству стран Черного и Балтийского моря» – однако их главной темой стало «продвижение демократии на Восток», в Россию и Белоруссию.

Предоставив свою столицу для демонстрации нового «санитарного кордона», президент Литвы Валдас Адамкус доверительно признался коллегам, что «опасность возникновения новых “железных занавесов” остается по сей день, и в ближайшем соседстве с Литвой есть страны, избегающие демократических изменений... однако нет таких стен и таких дверей, которые демократия не смогла бы преодолеть, следует объединить свои усилия и создать единую и свободную Европу “от Адриатики до Каспия”» и т. п.³⁰. Неправительственная группа поддержки участников форума была ещё откровеннее: «Силы притяжения Европы, возможно, не хватит, чтобы компенсировать исходящую от России силу принуждения. Чтобы ясно заявить свою волю и интересы на востоке Европы, Евроатлантическому Сообществу необходима новая смелая программа действий... ЕС необходимо разработать более смелую, более последовательную и согласованную внешнюю политику и политику безопасности по отношению к восточной части Европы, до того, как это станет “слишком поздно”. ЕС нужно создать активную политику развития демократии, а также адекватные инструменты для оказания прямой и гибкой поддержки демократическим образованиям и гражданским обществам в Восточной Европе»³¹. Столь возбуждённая (хотя и возбуждённая по заранее согласованному пла-

³⁰ Президент Литвы: Создадим единую и свободную Европу от Адриатики до Каспия // REGNUM. 4 мая 2006 (www.regnum.ru/news/634673.html).

³¹ «Старым и новым демократиям следует приложить все усилия, чтобы Россия и Белоруссия шагали с ними в ногу». Полный текст декларации Форума неправительственных организаций // REGNUM. 4 мая 2006 (www.regnum.ru/news/634660.html).

ну³²) воинственная риторика вождей и общественников была бы, по преимуществу, пуста и условна, если бы её прикладную, техническую, инструментальную суть не раскрыл в своей вильнюсской речи хозяин – вице-президент США: «Россия никого не должна бояться, должна перешагнуть через давние обиды... Никто из нас не думает, что Россия должна быть врагом».

Была ли Литва жертвой этой новой «фултонской речи», прямо соединившей интересы военно-политической экспансии США в «ближнем зарубежье» России с угрозой объявления её «врагом»? Думается, нет. Литва, в отличие от других участников вильнюсского саммита, потому с особым усилием послужила «новому Фултону», что её собственный исторический опыт был переосмыслен ею как своеобразный «демократический империализм», для которого даже многие демократические коллеги по саммиту были не участниками, а объектами воспитания. Самые свежие данные из политической биографии президента Литвы убеждают нас в этом.

8 января 2008 года Валдас Адамкус, выступая в МИД Литвы, говорил о целях внешней политики так: «У нас славная история, охватывающая регион вплоть до Черного моря, где до сих пор звучит имя Литвы... Мы будем не только распространять свою культуру за рубежом, но и упрочивать распространение демократии». А в конце января 2008-го он заявил: «Возникает вопрос, не является ли резкое финансовое возрождение для но-

³² «Выводы конференции были заранее запрограммированы»: интервью российского участника международной конференции «Общее видение общего соседства» // REGNUM. 15 мая 2006 (www.regnum.ru/news/639789.html): «В кулуарах представители Германии и Скандинавских стран... подчеркивали, что на форуме доминируют США... Представители американских организаций проводили консультации с делегациями Молдавии, Грузии, Украины, прибалтийских стран, Белоруссии. ...выводы конференции были заранее запрограммированы. И я думаю, что упоминание непростой ситуации с демократией в Грузии и Азербайджане также связано с американскими интересами в этих регионах. В принципе это продемонстрировала и следовавшая сразу за форумом поездка Дика Чейни в Казахстан, где он ни слова не сказал о ситуации с демократией, зато много говорил о том, как можно транспортировать нефть и газ в обход России».

вого руководства России стимулом вернуться к холодной войне... Это историческая проблема... Россия хочет доминировать и диктовать». Пресс-секретарь президента Литвы разъяснила его слова: «Литва живет по соседству с Россией, и долг Литвы предупредить о возможной опасности»³³. Вновь приходится удивляться, что польско-литовская страсть к достижению Чёрного моря почему-то видит своим противником именно Россию, а, например, неизбежной транзитной Украины на пути этой «балтийско-черноморской» экспансии – для этой страсти нет в природе.

Точно так же для самих польско-литовских «кресов» ни Белоруссии, ни Украины, такой метрополии и, значит, её столь натужно педалируемых инстинктов, – просто не существует. Для Украины «країни ближнього зарубіжжя» – это, как правило, страны СНГ или даже бывшего СССР (Грузия, Казахстан, Латвия и Эстония, но не Литва). Так что даже нечастое включение Польши и Румынии³⁴ в круг украинского «ближнего зарубежья» следует признать особым геополитическим прогрессом. «Ближнее зарубежье» (или: «сфера непосредственных интересов»³⁵) политической Белоруссии географически просто и прагматично: Украина, Литва, Латвия, Россия, с расширением на СНГ. Но и оно

³³ США назвали литовскую критику России «вздором»: Литва за неделю // REGNUM. 25 января 2008 (www.regnum.ru/news/fd-abroad/litva/948092.html). В отсутствие вице-президента Дика Чейни, госсекретарь США Кондолиза Райс дезавуировала подозрения об очередной «заказанности» литовского радикализма: «Последние разговоры о новой холодной войне – преувеличенный вздор (hyperbolized nonsense)».

³⁴ Например: Рішення по секції №4 «Інформаційні системи і технології в економіці» Третьої міжнародної науково-практичної конференції «Проблеми впровадження інформаційних технологій в економіці» м. Ірпінь, Академія ДПС України, 15–17 травня 2002 р. // http://nc.ufeі.ukrsat.com/kyrсі%202002/rіchenіa%20sekціja_4.htm; см. также: <http://www.liveinternet.ru/users/1552162/post50501367>; <http://vip.lviv.ua/?p=237>.

³⁵ «Приоритеты и направления внешнеполитической деятельности» на сайте президента Белоруссии А.Г. Лукашенко: <http://president.gov.by/press46194.html#doc> (то же – на сайте МИД: www.mfa.gov.by/ru/foreign-policy/general/fe66ec1c5bfac5c0.html).

не оставляет места для Польши. Польши в белорусском «ближнем зарубежье» тоже нет.

Глядя на такую прохладную в отношении исторических галлюцинаций Варшавы и Вильнюса символическую географию Белоруссии и Украины, хочется напомнить президенту Литвы стихи литовского классика, обращённые к князю-основателю ВКЛ:

Призовите Витовта
от Черного моря
поворотить коня,
к душе обернуться...

Призовите Витовта:
наша кровь не желает
течь вслед за ним
до Черного моря³⁶.

Очевидно, что, превратив общую (в целом позитивную) для литовцев, русских, украинцев и белорусов историческую память о ВКЛ во второстепенный инструмент политической экспансии США, современный литовский политический класс фактически изменил и своей собственной истории.

* * *

Апелляция к своему историческому опыту как «естественному праву» на эксклюзивное знание России и правил борьбы против её «доминирования» – вот суть претензий стран Прибалтики на евроатлантическое «воспитание» Закавказья, а Прибалти-

³⁶ Юстинас Марцинкявичюс. Витовт: ВКЛ (Justinas Marcinkevičius. LDK). Перевод с литовского Георгия Ефремова.

ки плюс ГУАМ (Грузия, Украина, Азербайджан, Молдавия) – на такое же «воспитание» Средней Азии и Казахстана³⁷. Получается, что вне этой экспертизы у евроатлантических «новых соседей» попросту нет никакого другого исторического единства и политической роли? И единственная их современная задача – «миссионерское знание» о России?

Но кто, собственно, выступает заказчиком этого «знания» – ведь, как бы ни был значим личный советский опыт постсоветского (национал-коммунистического) политического класса стран бывшего СССР, вряд ли прикладная наука о России в США³⁸, Великобритании или Германии нуждается в переводчиках. Значит, главная их профессия – не знание, а соседство.

Впрочем, не всякое соседство равно паразитизму. Быть самознающей свои возможности и интересы транзитной державой, коммуникационными, морскими или трубопроводными воротами большой соседки – большая удача (мало кто отказался бы получить в наследство от СССР готовую транспортную инфраструктуру: ведь известно, что норма прибыли у того, кто распределяет, всегда выше нормы прибыли производителя).

Но судьба нового «ближнего зарубежья» ЕС и России содержит в себе гамму искушений. Новая государственность выбирает себе новый миф: миф оказывается новым изданием агрессивного национализма, уже проявившего себя либо классической межвоенной европейско-азиатской диктатурой, либо прямым европейским фашизмом. Вместо того чтобы в первых актах своей «исторической политики» покаяться перед жертвами своих собственных диктатур или жертвами союзного им гитлеризма, эти «новые национализмы» требуют от другой жертвы, от Рос-

³⁷ См., например, посещение Бишкека главами МИД Украины и Грузии со специальным посланием: Совместное обращение Ющенко и Саакашвили к киргизам // REGNUM. 31 марта 2005 (www.regnum.ru/news/430970.html).

³⁸ Практическая советология в США создана не в последнюю очередь такими выходцами из Польши, как Ричард Пайпс и Збигнев Бжезинский, а создала таких государственных деятелей, как нынешний министр обороны и экс-директор ЦРУ Роберт Гейтс и госсекретарь Кондолиза Райс.

сии, покаяния и контрибуции. Можно назвать эту политику «исторической», но считать её «политикой ценностей» не поворачивается язык, ибо в багаже этих ценностей – полицейский национализм и диктатура. В любом случае – это не политика собственных соседских интересов, соседского мира и солидарности.

Это – политика плацдармов («непотопляемых авианосцев»), в которой в принципе не может быть собственных позитивных интересов. Но есть место для нового издания их старого, мелкого, тщедушного империализма.

За двадцать лет до падения СССР, когда об этом грядущем падении говорили только отщепенцы и сумасшедшие, известный советский диссидент Андрей Амальрик выступил с пророческим прогнозом о механике и последствиях исчезновения СССР. Он писал: «СССР, следуя сталинской политике территориальной экспансии и усиления напряжения, максимально расширил сферу своего влияния и тем самым создал для себя потенциальную угрозу. Поскольку существующее сейчас положение в Европе поддерживается только постоянным давлением Советского Союза, то можно полагать, что, как только это давление ослабеет или вообще сойдет на нет, в Центральной и Восточной Европе произойдут значительные изменения... Повидимому, воссоединение Германии совпадет с процессом “десоветизации” восточно-европейских стран и значительно ускорит этот процесс. Трудно сказать, как он пойдет и какие формы примет... однако приведет, очевидно, к национал-коммунистическим режимам, для каждой страны представляющим своего рода подобие докоммунистического режима... “Десоветизированные” восточно-европейские страны помчатся как конь без узды и, видя бессилие СССР в Европе, предъявят незабытые, хотя и долго замалчиваемые территориальные претензии: Польша – на Львов и Вильнюс, Германия – на Калининград, Венгрия – на Закарпатье, Румыния – на Бессарабию. Не исключена возможность, что также Финляндия предъявит претензии на Выборг и Печенгу. Очень вероятно, что, по мере всё большего увязания СССР в войне, также Япония предъявит территори-

альные претензии сначала на Курилы, затем на Сахалин, а потом, если успехи будут одерживать Китай, то и на часть советского Дальнего Востока...»³⁹.

* * *

Среднеарифметическое мнение Запада и его сателлитов традиционно обвиняет современную Россию в экспансионизме и попытках доминирования в бывших республиках СССР⁴⁰. Чем уверенней внешняя политика России, тем жёстче обвинения. Есть ли у этих обвинений реальные основания – обвинителей не волнует. И не только потому, что честное исследование – не их задача, но и потому, что в их кратком политическом букваре о России и её соседях уже всё написано. И написано до предела просто: в своём сопредельном «ближнем зарубежье» Россия крайне уязвима, и поэтому над ним необходимо установить военно-политический, экономический и коммуникационный контроль Запада. Когда западные прагматики соглашаются, что у

³⁹ Андрей Амальрик. Просуществовал ли Советский Союз до 1984 года? (1969).

⁴⁰ Хотя даже проведённые социологами, заявившими себя сторонниками ЕС и критиками власти в России, в 2006 году по заказу немецкого Фонда имени Фридриха Эберта исследования (анкетный опрос 2389 человек в основных географических зонах России, в городах и районах) демонстрируют антиимперский консенсус абсолютного большинства населения России. По их данным, лишь 18% опрошенных уверены, что жители бывш. СССР хотят, чтобы Россия «вновь взяла их под своё крыло», лишь 14% полагают, что Россия «традиционно имеет право на вмешательство во внутреннюю политику бывших республик СССР», лишь 18% считают, что новое объединение в СССР необходимо и реально, и т. п. (Д.И.Петросян, И.В.Свинцов. Россияне и соседние народы: равноправие и добрососедство или постимперский синдром // Дневник Алтайской школы политических исследований. № 23. Современная Россия и мир... Барнаул, 2007. С. 104–109). А, например, жители Литвы, «согласно последнему опросу населения, проведенному компанией Fonitel по заказу еженедельного аналитического журнала Veidas», считают, что «Россия является фактически единственным враждебным государством для литовцев». «Самым дружественным» государством назвал Россию только 1% жителей Литвы (REGNUM, 19 октября 2007: www.regnum.ru/news/902247.html).

России есть-таки в «ближнем зарубежье» законные интересы, сопутствующие им радикалы даже в имени «ближнего зарубежья» находят генетический русский империализм. При этом нейтральное *near abroad* (ближнее зарубежье) всё чаще подменяется историческим именем *backyard* (задний двор), в самой философии которого проступает вовсе не российская история и русский империализм.

Что же конкретно написано в их политическом букваре о России? Как известно, прописными истинами чаще всего обладают политологи, журналисты и политические ученики. Вот что пишут учебники: «Существует вполне очевидная закономерность в расчетливой конфронтации Владимира Путина с Западом. Её можно описать в виде трех концентрических кругов, расходящихся в стороны от Москвы. Внутренний круг ограничен российской территорией, куда США и Европе доступ закрыт. Внешний круг охватывает более удаленные регионы, и в их отношении Кремль допускает возможность сотрудничества. Средний круг очерчивает опасную территорию постсоветского пространства. И здесь амбиции путинской России лоб в лоб сталкиваются с интересами и ценностями Запада». Это «то географическое и политическое пространство, которое некогда занимал Советский Союз... Здесь Россия самоутверждается – и Запад должен проявить на этом пространстве больше решимости. Стратегия Путина вполне понятна: вытолкнуть Запад из российского ближнего зарубежья (*near-abroad*)... Россия не может восстановить советскую империю. Но она, по мнению Путина, может воссоздать неформальную гегемонию» (*The Financial Times*)⁴¹.

«Кто она: новая имперская держава, стремящаяся господствовать над более слабыми соседями, либо постимперское государство, защищающее свои законные интересы?.. Сегодняшняя европейская реальность – это новое восхождение Москвы как угрозы для соседних стран, как крупного, но недружественного

⁴¹ Philip Stephens. The west must resist Putin's claim on the old Soviet space // *The Financial Times*. November 22, 2007.

и ненадежного игрока на политической арене...» (Центр либеральных стратегий, София)⁴². «Российские власти, которые постоянно страдают от синдрома “осажденной крепости”, так резко отреагировали на планы по размещению элементов противоракетного щита в Европе, потому, что хотят вернуть свое влияние на «задний двор» (arrière-cour) и не желают, чтобы этот регион оказался в сфере влияния Запада» (Le Figaro)⁴³. «Россия хочет восстановить свое влияние в постсоветском “ближнем зарубежье” (near abroad)» (The Guardian)⁴⁴. «Россия по-прежнему предъявляет претензии на своё эксклюзивное влияние в ближнем зарубежье» (Nahe Ausland)⁴⁵.

А вот – ученики, стремящиеся говорить на учительском языке. Нынешний премьер-министр Украины Юлия Тимошенко: «Россия... унаследовала неприкрыто имперские традиции... традиционный российский экспансионизм и стремление вернуть себе великодержавный статус в ущерб интересам соседних стран... На руинах СССР возникли одно мощное государство и целый ряд небольших и беззащитных... Большая и сильная Германия – независимо от режима, существовавшего в Берлине, – представляла угрозу для малых и слабых государств, граничивших с ней на востоке. В дипломатии главное – сам вес государства, а не умонастроения тех, кто им распоряжается... Границы сегодняшней России, образовавшейся в результате «ропуска» СССР 25 декабря 1991 года, не имеют исторических прецедентов. Соответственно, Москва не жалеет усилий для восстановления политического влияния на территории бывшей

⁴² Иван Крастев. Россия как «другая Европа» // Россия в глобальной политике. 2007. № 4 (июль–август).

⁴³ Isabelle Lasserre. En s'opposant à l'indépendance du Kosovo, la Russie teste sa puissance face à l'Occident // Le Figaro. 11/09/2007.

⁴⁴ Simon Tisdall. Putin's politics put partners on edge // The Guardian. August 10, 2007.

⁴⁵ Sabine Fischer. Die russische Politik gegenüber der Ukraine und Weißrussland // Aus Politik und Zeitgeschichte. 08–09/2007.

империи, если не контроля над нею»⁴⁶. Нынешний президент Грузии Михаил Саакашвили: «Европа начинает осознавать, что ей необходимо взаимодействовать с регионом “ближнего зарубежья” (near abroad), находящимся между ней и Россией. Европа начинает отказываться от своего ложного прагматизма»⁴⁷. Нынешний президент Украины Виктор Ющенко прямо винит в украинском политическом кризисе «интриги и заговоры из “заднего двора” (arrière-cour)»⁴⁸. Создаётся впечатление, что беззащитное постсоветское пространство, подвергаемое империалистической экспансии, – явление столь беспрецедентное, что изготовление политического мифа на эту тему потребовало новой терминологии – аналогов «ближнего зарубежья»: английского **near abroad** и немецкого **Nahe Ausland**⁴⁹. Однако французское **arrière-cour** предательски выдаёт подлинный первоисточник и настоящую цель защитников постсоветского пространства от существования России и подчинения его вовсе не нейтральной исторической практике «заднего двора» США – **backyard**.

* * *

Исследователи справедливо видят основы принятой в американском политическом языке формулы **backyard** в «доктрине Монро», отделившей Западное полушарие от Старого Света не столько по географическому признаку, сколько по идейно-

⁴⁶ Yuliya Tymoshenko. Containing Russia // Foreign Affairs. May–June 2007. Vol. 86, Number 3.

⁴⁷ Melik Kaylan. Georgia on His Mind // The Wall Street Journal. August 25, 2007.

⁴⁸ Viktor Ioustchenko. Pourquoi j’ai dissous le Parlement ukrainien // Le Figaro. 3/04/2007.

⁴⁹ Для Германии Nahe Ausland, употребляемое в отношении её собственного ближнего зарубежья, традиционно и корректно включает в себя сугубо географических соседей: Италию, Швейцарию, Францию, Данию, Голландию, Бельгию, Люксембург, Польшу, Чехию, Австрию.

экономическим соображениям абсолютной гегемонии США⁵⁰. Западное полушарие как «задний двор» США – понимается как единый ареал (Мексика, Карибские острова, Центральная и Южная Америка, иначе – Латинская Америка и Карибы)⁵¹ их цивилизационного превосходства, имеющий, однако, лишь отчасти географические границы: Канада в него не включается, поскольку не может служить объектом прямого доминирования США.

Президент Соединённых Штатов Джеймс Монро издавна вполне империалистически так определил содержание ареала: «Мы... должны будем рассматривать попытку сих сторон [держав по ту сторону Атлантического океана] распространить свою систему на любую часть этого полушария как представляющую опасность нашему миру и безопасности. Мы не вмешивались и не будем вмешиваться в дела уже существующих колоний или зависимых территорий какой-либо европейской державы. Но что касается правительств стран, провозгласивших и сохраняющих свою независимость, и тех, чью независимость, после тщательного изучения и на основе принципов справедливости, мы признали, мы не можем рассматривать любое вмешательство европейской державы с целью угнетения этих стран или установления какого-либо контроля над ними иначе, как недружественное проявление по отношению к Соединённым Штатам...»⁵²

К территориальному империализму Монро президент Теодор Рузвельт добавил «ценностную шкалу», определяемую США: «Любая страна, народ которой ведет себя хорошо, может рассчитывать на нашу чистосердечную дружбу. Если государство

⁵⁰ Tom Barry. Our Backyard Pax Americana (February 17, 2003): <http://americas.irc-online.org/reports/2003/0302paxam.html> (Americas Program).

⁵¹ См.: Richard Lapper, Jonathan Wheatley. A serenade in the backyard: why Bush's Latin overtures may fall on deaf ears // Financial Times. March 8, 2007; Andy Webb-Vidal. Terror groups relocating to US's backyard // Financial Times. March 4, 2007 и многое другое.

⁵² Доктрина Монро из седьмого ежегодного послания Конгрессу президента Джеймса Монро (2 декабря 1823).

демонстрирует, что знает, как действовать с разумом, умением и приличием в социальных, политических вопросах, если оно соблюдает порядок и выполняет обязательства, ему не следует опасаться вмешательства со стороны Соединенных Штатов. Непрекращающиеся незаконные действия или проявление бесчинств, приводящие к общему ослаблению уз цивилизованного общества, будь то в Америке или где бы то ни было, в конечном итоге требуют вмешательства со стороны какого-либо цивилизованного государства. В Западном полушарии следование Соединенных Штатов доктрине Монро может вынудить их, возможно, и против своей воли, в вопиющих случаях нарушений законности или проявления бессилия, к выполнению обязанностей международной полицейской державы. Если какая-либо страна, чьи берега омываются Карибским морем, продемонстрирует стабильность и справедливый прогресс цивилизации... вмешательство нашего государства в её дела прекратится. Наши соседи обладают богатыми природными ресурсами, и, если в пределах их границ будут соблюдаться законность и справедливость, процветание обязательно придет к ним. При условии соблюдения этими странами основополагающих законов цивилизованного общества они могут быть уверены в том, что мы будем относиться к ним благожелательно и с искренней симпатией. Мы вмешаемся в их дела лишь в крайнем случае и лишь тогда, когда станет очевидным, что их неспособность и нежелание добиться справедливости у себя в стране и за рубежом нарушили права Соединенных Штатов или же спровоцировали иностранную интервенцию во вред всем американским государствам»⁵³.

В цивилизационно-полицейский империализм Монро – Рузвельта сенатор Лодж внёс лишь военно-коммуникационное уточнение, распространив правила «заднего двора» не только на суверенную политику, но и на сферу бизнеса: «В том случае, когда любой порт или иной объект на американских континентах расположен таким образом, что его оккупация в военно-

⁵³ Поправка президента Теодора Рузвельта к Доктрине Монро (1904).

морских, либо военных целях может угрожать коммуникациям или безопасности Соединенных Штатов, правительство Соединенных Штатов не может не рассматривать без серьезной озабоченности владение таким портом или иным объектом какой-либо корпорацией или ассоциацией, которая имеет с другим, не американским, правительством такие отношения, которые предоставляют этому правительству практическое право контроля в национальных интересах...»⁵⁴

Таким образом, принципы «заднего двора» США включают в себя всеобщий политический, военный, экономический и «ценностный» контроль⁵⁵. Именно американский backyard имеют в виду бывшие метрополии Старого Света: Испания, Италия и Франция: Испания – противопоставляя ему свои собственные, позитивные постколониальные культурно-языковые связи от Латинской Америки до Европы, от Чили до Италии (**Iberoamérica**)⁵⁶ чужой, негативной американской гегемонии «заднего двора» (**el patio trasero**, иногда – *jardín trasero* и даже *la sombra* – «тень»); Италия – просто воспроизводя в своих интересах концепт «заднего двора» (**cortile di casa**, иногда даже архаичное – *limitrofi*)⁵⁷; Франция – описывая этим именем (**arrière-cour**) свои эксклюзивные⁵⁸ постколониальные права в бывшей Французской Африке, и особенно в Магрибе и Чаде.

⁵⁴ Поправка сенатора Генри Кэбота Лоджа к Доктрине Монро (1912).

⁵⁵ См. об этом, например: Denise Artaud. Les Etats-Unis Et Leur Arriere-Cour. Paris, 1995 (2003); Sebastian Santander. L'arrière-cour américaine dans les turbulences // www.lalibre.be/index.php?view=article&id=3&subid=152&art_id=79710 (La Libre Belgique. 13/09/2002).

⁵⁶ «Nosotros somos the backyard, el patio trasero del Occidente encarnado por los Estados Unidos» (Alberto Buela. Iberoamérica y Occidente: Tensiones y acuerdos // Asociación Cultural DisidenciaS: Entidad adherida a la Red vértice: www.red-vertice.com/disidencias/textosdisi16.html). См. также: www.red-vertice.com/quees.htm

⁵⁷ Il disastro americano Friday, Mar. 24, 2006 at 6:58 PM // <http://italy.indymedia.org/news/2006/03/1029535.php>; www.ilmanifesto.it/Quotidiano-archivio/23-Marzo-2006/art96.html

⁵⁸ Javier Gomez. El patio trasero de Chirac // www.solidaridad.net/articulo2609_enesp.htm (Solidaridad.Net. 30/11/2006).

Теперь, после распада СССР, Соединённые Штаты более не хотят ограничивать свой «задний двор» рамками Западного полушария. И в 1990-е годы политический консенсус о новой реальности нашёл своего нового выразителя – Збигнева Бжезинского. В политических кругах, ориентированных на американских демократов, европейских бюрократов с тёмным социалистическим прошлым, грантовых интеллектуалов и их постсоветских клиентов, одним словом, в кругу всех тех, кто, действуя на территориях бывшего СССР, профессионально вынужден примеряться к роли «доброго следователя» или «своего парня», принято, морщась, называть Бжезинского «маргиналом», не представляющим ни современную американскую мысль, ни умудрённую американскую власть. В глазах этих умудрённых прогрессистов сама ссылка на Бжезинского – уже реликт «холодной войны», художественная литература, далёкая от ежедневной практики партнёрского взаимодействия Запада и Востока, и т. д., и т. п. Может быть, в этом и есть своя правда. Но ещё ближе к истине то, что эта художественная литература удивительным образом рисует именно тот консенсус, который реально диктует логику политических решений, прямо возрождает нетерпеливую стилистику «холодной войны», с максимальным цинизмом договаривает до карательного конца пустословие о «ценностях» и «факеле свободы».

Прямо договорённая Бжезинским философия американского «заднего двора» и распространённые на оставшиеся части мира миссионерские претензии США очень точно выражаются в его формуле «шахматной доски» – объекта монопольной манипуляции. Стоит ли удивляться, что главное приобретение современности манипулятор видит в освобождённом умершем СССР пространстве для нового backyard США: «Главный геополитический приз для Америки – Евразия... глобальное первенство Америки непосредственно зависит от того, насколько долго и эффективно будет сохраняться её превосходство на Евразийском континенте... В связи с этим критически важным является то, как Америка «управляет» Евразией... На этой огромной, причудливых очертаний евразийской шахматной доске, про-

стирающейся от Лиссабона до Владивостока, располагаются фигуры для «игры»...

Россия, что едва ли требует напоминания, остаётся крупным геостратегическим действующим лицом, несмотря на ослабленную государственность и, возможно, затяжное нездоровье. Само её присутствие оказывает ощутимое влияние на обретшие независимость государства в пределах широкого евразийского пространства бывшего Советского Союза. Она лелеет амбициозные геополитические цели, которые всё более и более открыто провозглашает. Как только восстановит свою мощь, она начнёт также оказывать значительное влияние на своих западных и восточных соседей... потеря территорий не является главной проблемой для России...

В большей степени децентрализованная, Россия была бы не столь восприимчива к призывам объединиться в империю. России, устроенной по принципу свободной конфедерации, в которую вошли бы европейская часть России, Сибирская республика и Дальневосточная республика, было бы легче развивать более тесные экономические связи... Россия с большей вероятностью предпочтёт Европу возврату империи, если США успешно реализуют вторую важную часть своей стратегии в отношении России, то есть усилят преобладающие на постсоветском пространстве тенденции геополитического плюрализма. Укрепление этих тенденций уменьшит соблазн вернуться к империи... Однако политика укрепления геополитического плюрализма не должна обуславливаться только наличием хороших отношений с Россией. Более того, она важна и в том случае, если эти отношения не складываются, поскольку она создаёт барьеры для возрождения какой-либо действительно опасной российской имперской политики.

Отсюда следует, что оказание политической и экономической помощи основным вновь обретшим независимость странам является неразрывной частью более широкой евразийской стратегии... Преимущества ускоренного регионального развития, финансируемого за счет внешних вложений, распространились бы и на приграничные районы России, которые, как

правило, недостаточно развиты экономически. Более того, как только новые правящие элиты регионов поймут, что Россия соглашается на включение этих регионов в мировую экономику, они будут меньше опасаться политических последствий тесных экономических связей с Россией. Со временем не имеющая имперских амбиций Россия могла бы получить признание в качестве самого удобного экономического партнера, хотя и не выступающего уже в роли имперского правителя»⁵⁹.

Теперь, после СССР, главной помехой для глобальной игры шахматистов в Евразии выступает Россия. Для глобального манипулятора неприемлем сам факт её целостного и вообще самостоятельного политико-экономического существования. И логично, что её географическое «ближнее зарубежье» понимается только как плацдарм для действий по нейтрализации и децентрализации самой России. Поэтому любое иное, не инструментальное представление о «ближнем зарубежье» как зоне естественных интересов или культурного единства⁶⁰ априори рассматривается как акт агрессивного неподчинения плану шахматной игры⁶¹. И чем большая потенциальная опасность исходит в адрес России от её соседей, тем радостней шахматист. Надо быть честным – эта опасность, её растущее бремя

⁵⁹ Збигнев Бжезинский. Великая шахматная доска: господство Америки и его геостратегические императивы (1997).

⁶⁰ Например, современные авторы из Армении понимают под «ближним зарубежьем» постсоветское пространство, остающееся зоной применения русского языка, и в этом видят его принципиальное отличие от «дальнего зарубежья»: «Информационный бум во всех странах на постсоветском пространстве все же был русскоязычным... Именно по этой причине для нас до сих пор существуют понятия ближнего и дальнего зарубежья» (Э.А. Григорян, М.Г. Даниелян. Русский язык в Республике Армения. Общественные функции. М., 2006. С.116).

⁶¹ «Russians try to use it on some of their neighbors in the near abroad... he's basically trying to make Russia a force in the near abroad, the countries that used to belong to the Soviet Union» (Роберт Гейтс на слушаниях в Сенате США при назначении министром обороны США 5 декабря 2006 года: Transcript of the Senate Armed Services Committee Nomination Hearing for Robert M. Gates // www.nytimes.com/2006/12/05/washington/05text-gates1.html?pagewanted=print).

созданы самим СССР и его интернационалистским проектом. Теперь России приходится платить по счетам и Российской империи, и СССР, – главным, самым дорогим из которых является всё более фантомное, но от того не менее болезненное общее культурное и историческое наследство.

* * *

Многие годы после СССР русская политическая мысль искала имя для того пространства, которое было частью СССР и стало цепью независимых государств. В начале 1990-х их независимость оставалась ещё сугубо юридической: границы, валюты, гражданства, армии, тарифы, суверенные экономики – едва прочерчивались на фактически всё ещё общем географическом теле, порождая самые удивительные соединения. Само имя этой новой реальности соединяло в себе и признание факта, и фантомные боли-воспоминания об отрезанных частях тела. Так первоначальное нейтральное «новое зарубежье» (отчасти совпадающее с американскими «новыми независимыми государствами» и «новыми европейскими демократиями») вскоре было вытеснено более эмоциональным – «ближнее зарубежье». Словно по ту сторону границ никогда не было ни Китая, ни Финляндии, ни Норвегии, ни Аляски. Впрочем, никому и в голову не приходило внести этих старых соседей нового государства в список государств «ближнего зарубежья». Главным содержанием этого списка были советская инерция и советское наследие, с которым боролись национал-коммунисты и которое в равной степени успешно приватизировали.

Несомненно, в качестве очередного объекта приватизации и расчленения рассматривалась и Россия. И дело не только в словах экс-помощника президента США Збигнева Бжезинского о необходимости «свободной конфедерации» на месте России. Главное – во внутренней готовности русского политического класса 1990-х мыслить Россию упакованной в Содружество Независимых Государств (СНГ, Commonwealth of Independent

States), аналог Британского содружества наций для бывшей Британской империи (British Commonwealth of Nations)⁶². Аналогия эта была притворной и быстро выветрилась, ибо в 1990-е годы в идеологии самого СНГ преобладало мучительное желание подменить недавнюю «общую рамку» СССР – рамкой СНГ, в которой независимой России отводилось подчинённое, вторичное положение. Именно тогда родилась малоубедительная формула, конкурирующая с понятием «ближнего зарубежья» – «СНГ и Балтия», в которой международная организация (СНГ) соединялась со свежевыведенным и навязанным русскому языку географическим понятием (Балтия – вместо Прибалтики⁶³):

⁶² В немецком политическом языке, хорошо знакомом с Commonwealth, аналогом СНГ, тем не менее, была избрана другая формула: Gemeinschaft für der unabhängigen Staaten (GUS, рус.: «сообщество»). На моей памяти, в первые дни после создания СНГ у наблюдателей из Германии это даже вызывало трудности с адекватным переводом Gemeinschaft на русский язык. Но логика немецкого языка оказалась безошибочной – несмотря на терминологическое сходство с Commonwealth, ничего общего у Commonwealth с СНГ не нашлось.

⁶³ В начале 1990-х годов новые независимые государства на пространстве бывшего СССР, законно воспринимая русский язык (подобно собственности СССР) как своё общее наследие, сделали и его тоже объектом приватизации. Именно поэтому русская ономастика (исторические, географические и иные имена) стала объектом разнообразных злоупотреблений. Только относиться к русскому языку как к своему собственному трофею, можно было навязывать ему замену классического «на Украине» (подобного «на Филиппинах», «на Гаити», наконец – неизменному с древности «на Руси») искусственным «в Украине», традиционной «Прибалтики» – иноязычной «Балтией». Уважаемый современный русский историк даже попытался придать этому злоупотреблению научный смысл: признавая, что «Прибалтикой в России издавна назывались земли, граничащие с Балтийским морем», он уверяет, что «понятие это никогда не имело юридического статуса, а тем более государственного смысла» (Е.Ю. Зубкова. Прибалтика и Кремль, 1940–1953. М., 2008. С. 3). Попытался – и принял грех на научную душу. Ведь если просто удивительно, что признаваемое Е. Ю. Зубковой имя «Прибалтийские губернии / Прибалтийский край» (Лифляндия, Эстляндия и Курляндия, ср.: Привислянские губернии – Польша) считается ею недостаточно «юридическим» (хотя известны его массовые именно юридические применения: Свод местных узаконений губерний Прибалтийских. СПб., 1891; Положение 9 июля 1889 года о преобразовании крестьянских присутственных мест Прибалтийских губерний. Либава, 1890; А. Гасман, А. Нолькен. Положения о преобразовании судебной части и крестьянских присутственных мест в Прибалтийских губерниях. СПб., 1890; 80

России, несмотря на то, что только её существование до сих пор придаёт такому соединению какой бы то ни было смысл, в этой формуле отводилась роль географического, почти бес- субъектного пространства.

Поэтому в момент раздела СССР вряд ли кто в здравом уме, видя растущую суверенизацию Татарии, Башкирии, Якутии и Чечни, мог считать остаточную, полумёртвую Россию и её власть ядром имперского реваншизма, а «ближнее зарубежье» – объектом её экспансии. В те годы Россия сама становилась объектом дальнейшего раздела или расходным материалом для внутрироссийской коммунистической оппозиции, для которой будущий распад России казался менее важной проблемой, чем вчерашнее исчезновение СССР. Коллекционер понятий русского языка того времени заметил: «За словосочетанием *ближнее зарубежье* первоначально стояло представление, согласно которому «границы Российского государства после распада СССР пока нельзя считать окончательными»... Сама форма высказывания требует неоднозначного истолкования: «страны не вполне или не по-настоящему независимые», «условно зарубежные страны», «свои, но лежащие за границей территории»⁶⁴. Так общие для постсоветских республик фантомные боли над умершим СССР начали приписывать только России. Как писал в те дни автор этих строк, именно в идеологии оппозиции «Россия размазывается по карте бывшего СССР, используется как материал для восстановления советской власти»⁶⁵. В начале 1990-х годов, когда линии расчленения России сдвинулись к её границам, а Таджикистан, Закавказье и Приднестровье погру-

В. Буковский. Свод гражданских узаконений губерний Прибалтийских. Рига, 1914; А.С. Невзоров. Краткое изложение курса местного права Прибалтийских губерний. Юрьев, 1909–1910 и т.п.), то вовсе невозможно понять, почему хорошо известный (впрочем, не Е.Ю. Зубковой) с XVIII по XX век «Прибалтийский генерал-губернатор / Прибалтийское генерал-губернаторство» – явление недостаточно «государственное»?

⁶⁴ Гасан Гусейнов. Карта нашей Родины: идеологема между словом и телом. М., 2005. С. 15–16.

⁶⁵ М. Колеров. Третья смута и ее органический закон // Независимая газета. 26 февраля 1992.

зились в войну и главной угрозой для постсоветского пространства стал «югославский сценарий», «ближнее зарубежье» – по той же югославской аналогии – стало всё чаще фигурировать в качестве объекта внешнего вмешательства: миротворчества, урегулирования, международных гарантий, военных баз, обсуждения проблем статуса и границ. Ни у кого не было уверенности в том, что Россия не станет объектом такого урегулирования в ближайшее время.

* * *

Экспансия американского «заднего двора» в Евразию ослабила собственные американские тылы. Растущее, всё более ожесточённое нежелание Латинской Америки оставаться чьим бы то ни было «задним двором»⁶⁶ сопровождается растущим нежеланием Европы стать его новым ответвлением и, напротив, острым осознанием своей уязвимости в собственном «заднем дворе»: на Балканах («опасный backyard Европы» – Сербия, Босния, Македония, Албания, Черногория, Косово)⁶⁷, даже в Бельгии

⁶⁶ См. например: Jorge Heine. Nuevo imperio, viejo patio trasero? Los Estados Unidos, America Latina y la guerra en Irak // http://goliath.ecnext.com/coms2/gi_0199-1158532/Nuevo-imperio-viejo-patio-trasero.html (Goliath. Business knowledge on demand. July 1. 2003); Cinismo gringo: America Latina es “nuestro patio trasero” y por ello nos preocupa // www.aporrea.org/dameverbo.php?docid=57693 (Aporrea (Asamblea Popular Revolucionaria / Republica Bolivariana deVenezuela), 18/03/2005); Marzio Breda. La Cia non voleva la morte di Che Guevara (12 novembre 2006) // www.corriere.it/Primo_Piano/Cronache/2006/11_Novembre/12/breda.shtml (cortile di casa); Rio, Santiago, Buenos Aires, scuotendo gli interessi dell'America in quelle aree che Washington non smette di considerare il cortile di casa. Il Sole 24 Ore. 14.04.2007 (www.digital-sat.it/new.php?id=9062); MinCl. Chavez considera Putin un «alleato antimperialista» // www.lernesto.it/index.aspx?m=77&f=2&IDArticolo=15426 (www.resistenze.org, 10/07/2007) и т. д.

⁶⁷ Особенно в связи с визитом президента США в Албанию. См.: Christopher Condon, Kerin Hope, George Parker. Europe's errant entrants // Financial Times. June 3, 2007; Carlo Benedetti. Albania, la colonia USA che attende Bush (09/06/2007) // www.ariannaeditrice.it/articolo.php?id_articolo=11758.

(как «заднем дворе демократии»)⁶⁸, Испании, Италии и Португалии (как «заднем дворе Европы»)⁶⁹...

Стоило Соединённым Штатам объявить о проекте размещения системы противоракетной обороны в Польше и Чехии, очевидно направленной против России, как евроатлантическое общественное мнение впервые расценило его как акт вмешательства США... в дела «заднего двора» (!) России (Russia... nel suo "cortile di casa", l'arrière-cour russe⁷⁰), даже прямо не граничащего с основной территорией России, но представляющего для неё прямую угрозу. Так недружественная военная экспансия в регион, начатая с расширения НАТО на Прибалтику, тиражирования сербской «революции» на Украине, в Грузии, Киргизии и Андижане, альтернативной энергополитики в Закавказье, автоматически перевела геополитический статус даже членов НАТО в Восточной и Центральной Европе в разряд грубо, по-американски поименованной зоны российских интересов.

Американский критик администрации США провёл прямую аналогию: «Как бы реагировали США, если бы Китай объединил Кубу, Никарагуа и Венесуэлу в военный союз, убедил Мексику продавать нефть Пекину и в обход Соединённых Штатов и начал ввязываться в дела Центральной Америки и Карибских стран затем, чтобы с помощью выборов отстранить от власти дружественные режимы? Как бы реагировал Вашингтон на российское решение установить противоракетные установки в Гренландии? (...) Но не Москва продвигает военный альянс к нашим границам или строит базы и размещает противоракет-

⁶⁸ Michael Ellman, Eric Plouvier. Belgique: Les «centres fermés»: l'arrière-cour de la démocratie. Rapport / Fédération Internationale des Ligues des Droits de l'Homme. Mars 1999.

⁶⁹ Es Suramerica el patio trasero de EE. UU.? // <http://foro.loquoo.com/viewtopic.php?p=1762851&highlight=>

⁷⁰ Face au bouclier antimissile américain, craintes et calculs de la Russie de Poutine // Le Figaro. 26/03/2007; Condoleezza Rice a Mosca, non c'è una nuova guerra fredda // RAINews24. 14 maggio 2007 (www.rainews24.rai.it/notizia.asp?newsID=69924); CNN. June 5, 2007 // <http://transcripts.cnn.com/TRANSCRIPTS/0706/05/sitroom.02.html>; www.movisol.org/07news026.htm

ные установки на нашем переднем и “заднем дворе” (our front and back yards)⁷¹. В такой ситуации американский адвокат администрации США постарался отличить «дальнее зарубежье» России от «ближнего»⁷², чтобы избавиться от неприятных аналогий и вновь отказать России в праве на безопасность.

Но тщетно. Конфликт архаичной, империалистической американской политической философии «заднего двора» с естественными интересами каждого государства в его «ближнем зарубежье» растёт – и уже не ограничивается окружением России.

В понятной, но оттого не менее странной самоуверенности американские глобальные шахматисты рискнули перенести «доктрину Монро» и «заднего двора» не просто на Старый Свет как часть Восточного полушария, от которого когда-то давно самоизолировались, но и на Азиатско-Тихоокеанский регион, уже не смущаясь растущей силой Китая. И в медиаучебниках зазвучали знакомые формулировки, согласно которым в «задний двор азиатско-тихоокеанских демократий США, Японии и Индии» были включены «авторитарные Китай, Северная Корея, Бирма, Таиланд»⁷³. А размещение военной инфраструктуры США в Средней Азии после 11 сентября 2001 года (и, видимо, неафишируемые усилия такого же рода в Монголии) с подкупающей непосредственностью стало именоваться проникнове-

⁷¹ Patrick J. Buchanan. Does Putin Not Have a Point? February 13, 2007. См. также: Georgian leader accuses Russia // www.turkishdailynews.com.tr/article.php?enewsid=88530 (Turkish Daily News. November 14, 2007); Building a missile shield in Russia's backyard (12/02/2007) // www.digg.com/world_news/Russia_pulls_out_of_Nato_arms_pact.

⁷² Janusz Bugajski. Russia's Far Abroad // The Wall Street Journal, Europe edition. March 22, 2007.

⁷³ Daniel Twining. America is pursuing grand design in Asia // Financial Times. September 25, 2006. Cp.: Lucas Nagel. El patio trasero de Japón: Los países del sureste asiático se han convertido en el espacio natural de la economía nipona // El País. 03/01/1988.

нием в среднеазиатский «бывший задний двор» России и Китая⁷⁴...

Признанным венцом этих усилий США по концептуализации «контролируемой нестабильности», своего «ручного управления» новым «задним двором», дополнительным, замыкающим всю цепь их предыдущих усилий в Евразии – от Балкан до Восточной Европы и Средней Азии, – стала новая формула Збигнева Бжезинского о «глобальных Балканах от Суэца до Синьцзяна» (Палестина, Ирак, Иран, Афганистан и далее – мусульманский Запад Китая и Монголия)⁷⁵... И пусть теперь идущие к власти американские демократы в очередной раз скажут, что Бжезинский – архаичный маргинал и что применяемое им к и без того изуродованному войной Среднему Востоку имя «Балкан» – это жест процветания, а не вечного конфликта и новой резни...

Осталось дожидаться, когда и Китай, впечатлённый навязываемой ему философией американского «заднего двора» и прекрасно понимающий свои жизненные интересы в сопредельных государствах, разделит товарищеское, но определённое предупреждение интервентам, с которым в годы тяжелейшей государственной Смуты в России, в, пожалуй, самой кровавой точке Гражданской войны, в Крыму, – выступил русский поэт:

Кто там? Французы? Не суйся, товарищ,
В русскую водоверть!

⁷⁴ Stefan Wagstyl. How west can win in central Asia // Financial Times. August 26, 2007; Russia is in need of firm handling // The Financial Times. December 26, 2007 (Редакционный комментарий); Giulietto Chiesa. L'Asia Centrale, cortile di casa di Russia e Cina // La Stampa. 19/08/2007: www.esserecomunisti.it/index.aspx?m=77&f=2&IDArticolo=17716; www.larouchepub.com/other/2005/3229c_asia_coldwar.html. Сп. с гонконгской газетой: Sean Yom. Russian-Chinese pact a 'great game' victim // Asia Times. July 30, 2002: www.atimes.com/atimes/Central_Asia/DG30Ag01.html

⁷⁵ Збигнев Бжезинский. Ещё один шанс. Три президента и кризис американской сверхдержавы (2007).

Не прикасайся до наших пожарищ!
Прикосновение – смерть⁷⁶.

Февраль 2008

⁷⁶ Максимилиан Волошин. Неопалимая купина (1919).

Библиография

1. **Тотальное Просвещение для Косово и всех нас.** Впервые: ПОЛИТ.РУ. 19 мая 1999; Логос. М., 1999. № 5. Переиздано: М. Колеров. О необратимости настоящего. Фрагменты 1994–2000 годов. М., 2000.
2. **«Вечный мир» и вечные угрозы ему.** Впервые: Русский Журнал. – 26 ноября 2002. Переиздано: Русский журнал 2003: Война и школа. Сб. ст. М., 2003.
3. **Фронт против России: санитарный кордон и внешнее управление.** Впервые: REGNUM. 18 марта 2005. Переиздано: Россия и «санитарный кордон». Сб. М., 2005.
4. **Непризнанные государства бывш. СССР в контексте Балкан и Черноморского региона: Тезисы к постановке проблемы.** Впервые: Русский Сборник: Исследования по истории России. Том II. М., 2006.
5. **«Косовский прецедент»: создатели и плоды.** Впервые: «Косовский прецедент»: создатели и плоды (1999–2007) // REGNUM, 28 ноября 2007. Переиздано в качестве предисловия в: Фуад Гаджиев. Независимость де-факто: Турецкая Республика Северного Кипра. М., 2008.
6. **«Ближнее зарубежье» новой России и «задний двор» США.** Впервые: Империализм и «ближнее зарубежье»: Россия, Польша, Литва // REGNUM. 5 февраля 2008; «Ближнее зарубежье» России и «задний двор» США // REGNUM. 7 февраля 2008.

Издания и сборники информационного агентства REGNUM (2005–2008)

1. Коррупция в силовых структурах Дагестана: По данным СМИ (2003–2004). М., 2005.
2. Преступность в органах Министерства внутренних дел Башкирии: По данным СМИ (2004). М., 2005.
3. Коррупция в Карачаево-Черкесии: По данным СМИ (2002–2004). М., 2005.
4. Коррупция в правоохранительных органах Северной Осетии: По данным СМИ. М., 2005.
5. Россия и «санитарный кордон»: сборник / Сост. Информационное агентство REGNUM. М.: Издательство «Европа», 2005.
6. Белая книга Приднестровской Молдавской Республики. М., 2006.
7. Восстание меньшинств: сборник / Сост. Информационное агентство REGNUM. М.: Издательство «Европа», 2006.
8. Карабахский конфликт: азербайджанский взгляд: сборник / Сост. Информационное агентство REGNUM. М.: Издательство «Европа», 2006.
9. *О.Ф. Тимофеева*. Труд иностранных граждан в Российской Федерации : правовые аспекты. М, 2007.
10. Западная Сахара: преданная независимость: сборник исследований и документов по современной истории Сахарской Арабской Демократической Республики / Сост. Е. Висенс. М., 2007.
11. *Л.М. Григорьев, М.Р. Салихов*. ГУАМ – пятнадцать лет спустя: Сдвиги в экономике Грузии, Украины, Азербайджана и Молдавии, 1991–2006. М., 2007.
12. *А. Егиазарян*. Турция и Россия во внешнеэкономических отношениях Азербайджана (1995–2006). М., 2007.
13. *А. Егиазарян*. Грузия: структурные проблемы экономики и турецкая внешнеэкономическая экспансия (1994–2007). М., 2007.
14. *Симон Кордонский*. Ресурсное государство. М., 2007.
15. Испания – Каталония: империя и реальность: сборник статей / сост. Е. Висенс. М., 2007.
16. *Фуад Гаджиев*. Независимость де-факто: Турецкая Республика Северного Кипра. М., 2008.
17. *А. Егиазарян*. Экономика Турецкой Республики Северного Кипра. М., 2008.

Модест Колеров

БЕЗ СССР

«Ближнее зарубежье» новой России
и «задний двор» США

Статьи 1999–2008

Корректор Г. Каргина
Дизайн обложки О. Сумароковой

REGNUM

123001, г. Москва, Трёхпрудный пер., 11–13, стр.1, 36-1

Подписано в печать 05.03.2008. Формат 80х60/16
Бумага офсетная. Гарнитура Mugiad Pro. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 5,63. Тираж 1000 экз. Заказ 109.

Отпечатано в «ИПО Матвея Яковлева»
150054, г. Ярославль, ул. Чкалова, д. 2, оф. 1106